

АНТОН ДЕМЧЕНКО

ШАГ ВТОРОЙ
БАЛАНС
СИЛ

FANTASY WORLD

Fantasy-world

АНТОН ДЕМЧЕНКО

Шаг второй. Баланс сил

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Демченко А. В.

Шаг второй. Баланс сил / А. В. Демченко — «Издательство АСТ», 2020 — (Fantasy-world)

ISBN 978-5-17-121079-3

С момента появления в Хольмграде некоего Виталия Родионовича Старицкого прошёл не один десяток лет. Изрядно потревоженный неугомонным князем мир успокоился и расслабился. Зря. Ведь если калитку можно открыть один раз, что помешает сделать это снова? И вот она уже вновь скрипит, приветствуя ещё одного пришельца в мир Хольмграда. Что он принесёт с собой, какие перемены? Неизвестно. Пока неизвестно. Но волхвы уже довольно и многозначительно хмыкают, профессор Грац предвкушая потирает руки, а князь Старицкий... ну, он присмотрит за соотечественником. На всякий случай.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-121079-3

© Демченко А. В., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Пролог	6
Часть I	8
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	29
Глава 5	36
Глава 6	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Антон Витальевич Демченко
Шаг второй
Баланс сил
Роман

* * *

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону.

© Антон Демченко, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Пролог

Двое шли по широкой улице, прорезавшей Софийскую сторону от детинца до Больших ворот. Медленно, прогулочным шагом, они выныривали в круге света очередного фонаря и через несколько шагов вновь исчезали во тьме до следующего пятна света, заливавшего брусчатку древней мостовой. Одинаково рослые фигуры, затянутые в похожие длиннополые пальто, одинаково идеальная осанка и жесты, похожие изрезанные морщинами лица. Даже их старомодные шляпы были одинаковы: от фасона до цвета лент на тульях. Этих двоих, пожалуй, можно было принять за родных братьев, если бы не некоторые детали разговора, что завели спутники, остановившиеся напротив приветливо сияющей жёлтым светом витрины магазинчика со странным названием «Вечерняя лавка».

– И зачем ты меня сюда привёл, отец? – негромко спросил один из них, пока второй, перебрасывая из руки в руку тяжёлую трость, скользил рассеянным взглядом по вывеске над входом в магазин.

– Хочу познакомить тебя с одним молодым человеком, – отозвался тот после небольшой паузы.

– Очередной персонаж твоей «коллекции»? – поморщился сын.

– Можно и так сказать, – протянул его собеседник. – Но хвастовство новым, как ты выразился, персонажем – не единственная причина, по которой я решил вас познакомить, Родион.

– О... – на этот раз в голосе младшего Старицкого прозвучали нотки звучали нотки заинтересованности. – С этого места поподробнее, пожалуйста.

– Позже, – покачал головой старший. – Поговорим об этом после встречи с Ерофеем.

– Ерофей... Это не тот ли мальчишка, что гостил у тебя в поместье с полгода назад? – поинтересовался сын.

– Он самый, Родик, – покивал Старицкий.

– Внуки мне о нём все уши прожужжали. Пожалуй, это будет любопытно, – заметил младший и замолчал.

– Что, и даже не возмущишься, что я «поташил твои старые кости» чёрт знает куда, ради встречи с каким-то мальчишкой? – с еле заметным удивлением спросил его собеседник. Родион пожал плечами.

– Мне интересно, – ответил он. – К тому же до сих пор я не замечал за тобой бессмысленных действий, отец.

– Да никак мой солдафон-сын научился льстить? – ухмыльнулся старший Старицкий, взявшись за дверную ручку.

Тихо звякнул колокольчик над входной дверью, и отец с сыном оказались в полутёмном помещении. Родион нахмурился, озираясь по сторонам. Что-то было не так. Нет, его не беспокоил тихий перестук и щёлканье странных приборов на полках вдоль стен. И дело было не в едва подсвеченных стеклянных шарах, таинственно сияющих в нишах витрин. Что-то иное, какое-то несоответствие царапало разум. Свет, точно! Через стекло высоких витрин улицу перед входом буквально заливало светом из лавки, тогда как в самом помещении царил полумрак.

– Отец, ты уверен, что магазин открыт? – спросил младший Старицкий.

– Это же «Вечерняя лавка», когда же ей работать, как не сейчас? – Ответ последовал совсем с другой стороны. Произнесённый молодым звонким голосом, он, как показалось Родиону, сочился самоуверенностью и насмешкой.

– Не слишком ли короток получится рабочий день? – вопросом на вопрос отреагировал старший Старицкий, разворачиваясь к высокой стойке, на полированную поверхность которой упал луч света, словно от небольшого, но мощного прожектора. Родион поморщился. Рассмотр-

реть хозяина лавки за потоком льющегося с потолка света оказалось непросто. Точнее, почти невозможно... и даже известные приёмы ночного зрения не помогли. Собственно, помимо единственной реплики, раздавшейся с той стороны и выдавшей наличие человека за стойкой, его присутствие можно было угадать лишь по затянутым в белые перчатки кистям рук, лёгшим на столешницу чётко в круге света.

– В самый раз, чтобы не перетрудиться, – вновь подал голос хозяин лавки. Насмешка в его голосе уже стала раздражать младшего Старицкого, вообще-то, считавшего себя довольно уравновешенным человеком. – Итак, господа, чем могу быть полезен? Артефакты, ментальные конструкторы... чай?

Последнее предположение настолько выбивалось из ряда вон, что Родион чуть опешил. А вот его отец, кажется, искренне наслаждался ситуацией.

– Последнее было бы весьма своевременным, – заметил Виталий Старицкий, снимая перчатки и шляпу. Тихо стукнула о пол трость, прислонённая им к стенке стойки, а в следующий миг на освещённую часть столешницы опустился поднос с чайными принадлежностями. Родион проводил хмурым взглядом летающую посуду и почти неслышно выругался, когда под ноги ему ткнулся неведомый откуда взявшийся высокий барный стул.

Покосившись на сына, старший Старицкий глубоко вздохнул.

– Ерофей, давай отложим веселье на следующий раз. Кажется, мой сын совсем не в восторге от твоей «сказочной» атмосферы, – попросил Виталий Родионович.

– Как пожелаете, – чуть недовольно отозвался всё ещё невидимый собеседник, а в следующую секунду помещение лавки залил свет, позволивший Родиону наконец увидеть хозяина этого странного магазина. Невысокий светловолосый юноша смерил сына своего земляка долгим взглядом и, покачав головой, заметил: – Хм, по-моему, я знаю, что вам нужно. Угощайтесь, я вернусь через минуту.

– Ерофей! Давай позже, а? Мы, между прочим, пришли по делу! – окликнул его старший Старицкий, но юноша уже скрылся за занавесью. Впрочем, уже через несколько секунд он вернулся за стойку, сжимая в руках небольшую картонную коробку, которую тут же и всучил недовольному Родиону.

– Вот, прошу, – проговорил он.

– И что это? – окинув безразличным взглядом неказистую обёртку, спросил младший Старицкий.

– Часы уютного времени, – гордо провозгласил юноша.

– Э-э? – недоумённо протянул Старицкий под сдвинутый смехок отца.

– Замечательная вещь для расслабления, – пояснил Ерофей, посмотрев на него совершенно незамутнённым взглядом. – То, что нужно, когда шалят нервы... как у вас сейчас. Берите-берите, не пожалеете.

Именно в этот момент Родион Старицкий понял, что новый персонаж «коллекции» отца ему не нравится. Совсем.

Часть I

В лучших традициях сказок

Глава 1

Не в глубокой старине, да в далёкой стороне

Тем вечером, когда я оказался в доме князей Старицких, серьёзного разговора с хозяевами у нас не получилось и, боюсь, именно по моей вине. И дело было не только в усталости, внезапно навалившейся после недавних приключений. Меня выбило из колеи заявление хозяйина дома. «Земляк». Я ни на секунду не усомнился в смысле, что вложил в это слово мой собеседник, и этот факт оказался для меня лишь чуть менее ошеломителен, чем само заявление князя. Ощущения были сродни пропущенному удару в челюсть. Наотмашь, со всей дури.

Счастье ещё, что никто из присутствовавших при этом событии не стал настаивать на продолжении разговора. Впрочем, тут я могу и ошибаться. Вполне возможно, что желающие поболтать были... Да что там, точно были! Тот же князь Старицкий продолжал что-то мне объяснять, но Лада Баженовна, его супруга, едва заметив мой потерянный ошарашенный взгляд, тут же свернула свою беседу с Грацем и решительно оборвала наседающего на меня князя. В себя я пришёл, уже лёжа под одеялом на огромной кровати в одной из гостевых спален. И то лишь для того, чтобы мысленно поблагодарить хозяйку дома за заботу, и тут же вырубиться до утра. Шок – это по-нашему, да...

Следующее утро началось для меня с аромата кофе и свежей выпечки, вплывшего в комнату. Открыв глаза, я потянулся и, оглядевшись по сторонам, невольно охнул. Вчера я был в таком состоянии, что совершенно не обратил внимания на обстановку выделенной мне комнаты. Тем больше было моё удивление сейчас, когда я выспался и, отдохнув, наконец, смог по достоинству оценить место, в котором мне довелось ночевать. А здесь и в самом деле было что оценить... прежде мне не доводилось проводить ночь в такой «музейной» обстановке.

Стены спальни, обитые светлыми ткаными обоями, словно сияли в лучах солнечного света, заливающего комнату через пару высоких арочных окон, расположенных в противоположной от входа стене. Сама комната оказалась достаточно просторной, чтобы огромный, сверкающий чёрным лаком траходром, под балдахином которого я проснулся, совершенно не загромождал помещение, равно как не казался неуместным, выполненный в том же «рояльном» стиле массивный шкаф, закрывающий собой почти всю стену напротив окон, едва прикрытых шёлковыми шторами. Трюмо с высоким зеркалом, стоящее в углу комнаты, дополняло картину, а завершал её старый, если не сказать, древний, но очень ухоженный ковёр, укрывающий паркетный пол.

От дальнейшего разглядывания и более конкретного исследования комнаты меня отвлек обнаруженный на приставном столике у кровати поднос с завтраком. Наверное, мне следовало бы сначала озаботиться собственной гигиеной, но аппетит был настолько зверским, что с лёгкостью запинал эту идею и заставил меня накинуться на еду. Расправившись с завтраком, я довольно вздохнул и, отставив в сторону опустевшую чашку, в которой ещё несколько минут назад парил ароматнейший кофе, принялся выбирать из постели. Вовремя.

Стоило мне выпутаться из-под огромного одеяла, как раздался стук в дверь. Пришлось вновь накинуть его на себя, чтоб не предстать голышом перед «гостем» или, не дай бог, «гостьей».

– Да-да, войдите!

– Доброе утро, молодой господин, – появившийся на пороге дворецкий окинул цепким взглядом комнату и, кажется, убедившись, что всё в полном порядке, чуть склонил голову.

– Здравствуйте... эм-м... – я замялся, обнаружив, что напрочь забыл, как зовут моего визитёра. Хотя Бран Богданич вроде бы вчера называл его имя. М-да, кажется, недавний стресс всё же не прошёл для меня бесследно.

– Сварт, молодой господин, – ровным тоном отозвался тот. – Меня зовут Сварт, и я дворецкий в этом имении.

– Очень приятно, Сварт. Если не трудно, обращайтесь ко мне по имени, – попросил я, на что дворецкий покачал головой.

– Прошу прощения, но это невозможно, – проговорил он. – По имени я могу обращаться лишь к младшим членам семьи его сиятельства.

– И всё же... – попытался я настоять на своём. Вотще.

– Правила есть правила, молодой господин. Впрочем, я могу обращаться по имени-отчеству, если безличная форма вас чем-то не устраивает, – по-прежнему ровным тоном произнёс дворецкий.

– Ну, хоть так, – вздохнул я.

– Ерофей Павлович, не желаете принять душ? – моментально приняв пожелание, спросил Сварт, отворяя неприметную дверь в стене напротив. – А я тем временем приготовлю ваш утренний костюм.

– Утренний костюм? – не понял я. И повинуясь жесту-посылу дворецкого, массивный шкаф распахнул все четыре свои дверцы. Одежды там было... много. Одна проблема: это была не моя одежда.

Очевидно, взгляд мой был достаточно красноречив, чтобы Сварт его понял. А может, это какая-то «дворецкая» магия, не знаю. Тем не менее ответ пришёл быстрее, чем я успел переформулировать свой неуклюжий вопрос.

– Их сиятельства ожидали вашего приезда и, зная о сложностях путешествия, позаботились о приличной одежде для вас, – проговорил дворецкий, очередным жестом-посылком отлевитировав на мою постель банный халат, только что извлечённый им из недр «рояльного» монстра.

А вот в последних словах Сварта, вроде бы произнесённых с ничуть не изменившимся каменным выражением лица, я явно услышал если не пренебрежение, то укоризну. Ну да, если я правильно понимаю, то дворецкий почти наверняка видел содержимое моей полупустой сумки и таким образом теперь выказывает своё отношение. Сноб. А я ещё не верил, что вышекомернее английских лордов только их дворецкие. Не знаю, как там на островах, но судя по тому, что я вижу перед собой, в здешней России дворецкие своих князей явно перещеголяли. Да и чёрт с ним!

Я смерил Сварта взглядом и, откинув одеяло, прошлёпал в ванную комнату, как был, голышом, начисто проигнорировав лежащий на кровати халат. Правила, этикет, приличия... нафиг. Тоже мне, учитель нашёлся. Пошатался бы, как я недавно, глядишь, уже на следующий день забыл бы обо всей этой великосветской дури!

– Будьте любезны, Сварт, приготовьте мне мой вчерашний костюм, – крикнул я через уже закрытую дверь ванной. Ответом мне была тишина... и лёгкий всплеск недовольства. Я забрался в огромную ванну и, подставив лицо упругим струям воды мощного душа, улыбнулся. Эмпатия – хорошая вещь, да.

Детское поведение? И что? Мне, между прочим, всего семнадцать лет! Так и в документах написано. В общем, по возрасту дурить положено, вот я и того... дурю то есть. А кому что-то не нравится в моём поведении, могут написать письменную жалобу опекунам и идти лесом. Мне плевать.

Закончив с гигиеническими процедурами, я, довольный и посвежевший, вышел из ванной и окинул спальню взглядом. Дворецкий обнаружился стоящим у шкафа, причём с таким видом, словно он намеревался защищать подходы к хранилищу одежды даже ценой собственной жизни... а на уже заправленной постели обнаружился приготовленный для меня костюм. Разумеется, не мой.

– Сожалею, молодой господин, но после путешествия ваши вещи нуждаются в чистке, – произнёс дворецкий. Я понимающе кивнул и, не теряя времени, принялся одеваться. Трусы, носки, брюки, рубашка и... так и быть, жилет я надену. Не имею ничего против этой детали одежды.

Сварт, внимательно наблюдавший за моими действиями, так и фонил довольством... до тех пор, пока я не проигнорировал приготовленные пиджак и галстук. А когда расстегнул пару верхних пуговиц на белоснежной рубашке, от этого поборника правил и этикета так ишибануло досадой. Покосившись на старательно сохраняющего невозмутимое выражение лица дворецкого, я хмыкнул... и добил Его Чопорность, закатав рукава рубашки до локтя. Мне кажется, или у кого-то зубы скрипят?

Взглянув на своё отражение в зеркале трюмо, я попытался привести в порядок свои патлы... ну, насколько это было возможно, и, удовлетворённо кивнув, повернулся к Сварту.

– Его сиятельство будет ждать вас в малой гостиной через... – успев справиться со своими эмоциями, дворецкий щёлкнул крышкой карманных часов. – ...Через четверть часа. Если не возражаете, я провожу вас к нему... молодой господин.

– Ведите, – кивнул я и, подхватив с прикроватного столика свой зеркал, направился следом за шагнувшим к выходу Свартом. Но не удержался и бросил ему в спину: – И кажется, мы договорились, что вы будете обращаться ко мне по имени-отчеству?

– Прошу простить мою забывчивость... молодой господин, я обязательно исправлюсь, – отозвался дворецкий. Два-два, камнемордый. Ничего, ещё сочтёмся.

Пока мы добирались до «малой гостиной», Сварт решил провести небольшую экскурсию по особняку, который, по-моему, следовало бы именовать маленьким дворцом. Нет, ну а как иначе, если здесь даже бальный зал есть?!

– Первый этаж правого крыла отдан под служебные помещения и комнаты прислуги, – рассказ Сварта мерно лился мне в уши, пока мы шли по длинной галерее третьего этажа, к роскошной центральной лестнице особняка, виднеющейся в проеме меж распахнутых настежь высоких двойных дверей в самом конце коридора. – В левом крыле того же этажа находятся малая гостиная, библиотека и приёмная его сиятельства. Над ними, на втором этаже находятся буфетная комната, столовая и большая гостиная, а ещё выше – личные покои хозяев и гостевые комнаты. Второй и третий этаж правого крыла отданы под бальный зал, из которого можно попасть в большой зимний сад.

– Полагаю, если есть большой сад, то должен быть и малый? – спросил я.

– Мы называем его «верхним», – кивнул Сварт, и в его эмоциях я с удивлением почувствовал всплеск то ли гордости, то ли удовольствия. А может, и всего вместе, всё же я пока не так силен в эмпатии, чтобы с ходу разобраться в нюансах чувств незнакомого человека. Да что там эмоции, он же почти улыбается... или это свет из окна так упал? Хм... Я покосился на дворецкого, продолжающего свой рассказ. – Это, можно сказать, личный сад Лады Баженовны, под её руководством построенный и её собственными руками возвращенный. Попасть в него можно только отсюда, из хозяйского крыла, поднявшись по лестнице, что находится в противоположном конце этого коридора. Я бы настоятельно рекомендовал просить её сиятельство показать вам её сад. Редкое по своей красоте зрелище, уверяю. Об этом саде даже в столице слухи ходят, да только мало кто устаивался чести в нём побывать. Но вам, как гостю дома, отказа не будет, так что... пользуйтесь возможностью, молодой господин.

– Благодарю за совет, – невольно сваливаясь в подражание тону собеседника, откликнулся я. – Обязательно им воспользуюсь.

А что? Мне действительно интересно, что же должен быть за сад такой, если его вид пронирает даже этого твердокаменного дворецкого?!

За разговором я и не заметил, как мы спустились по огромной широкой лестнице и оказались в просторном холле первого этажа. Здесь Сварт уже знакомым жестом-посылком распахнул двери, ведущие в левое крыло, и уже через минуту мы оказались в той самой «малой гостиной», где должна была состояться моя вторая встреча с князем Старицким. Удивительно, но я абсолютно не волновался по этому поводу. Очевидно, вчерашний шок от заявления «земляка» начисто исчерпал такую возможность. В общем, сейчас, перед беседой с князем, я был спокоен как танк. Оно и к лучшему.

Приложив указательный палец к уху, словно прижимая невидимый наушник, Сварт чему-то кивнул и указал мне на одно из кресел у декоративного, но от того не менее настоящего камина, в котором, несмотря на время и погоду за окном, уже весело трещал огонь, пожирающий пару поленьев, распространяющих по комнате приятный хвойный аромат.

– Присаживайтесь, молодой господин. Его сиятельство подойдет через пару минут, – произнёс он и, чуть помедлив, предложил: – Может быть, желаете чаю?

– Лучше кофе, – устраиваясь в кресле, ответил я. – Чёрный, без сахара.

– Я распоряжусь, – кивнул Сварт и исчез за дверью. Я же принялся рассматривать обстановку гостиной в ожидании, когда появится хозяин дома. В отличие от «моей» спальни, меблировка этой комнаты не отличалась монументальностью. Несколько лёгких, хотя и очень удобных кресел, пара кушеток и низкие «журнальные» столики с лакированными деревянными столешницами, узор и цвет которых вполне гармонировал с бежевым цветом стен и деревянными же панелями на них. Просто, изящно... и без претензий на роскошь. Весьма приятная обстановка, надо сказать. По крайней мере, в этом помещении у меня не возникает ощущения, что я нахожусь в музее.

– Доброе утро, Ерофей, – голос, раздавшийся от двери, полускрытой тяжёлой портьерой, заставил меня отвлечься от осмотра гостиной. Обернувшись на звук, я поднялся с кресла и коротко кивнул стоящему на пороге хозяину дома.

– Здравствуйте, ваше...

– Виталий Родионович, с твоего позволения, – покачав головой, перебил меня Старицкий.

Мы окинули друг друга изучающими взглядами и не сдержали ухмылок при появлении дворецкого, вошедшего в гостиную с подносом в руках. И было отчего. Очевидно, князь тоже не очень-то любит официоз, по крайней мере, у себя дома, поскольку одеты мы оказались под стать друг другу. Брюки, рубашка с закатанными рукавами, жилет и к чёрту галстук с пиджаком. Три-два, камнемордый. Три-два!

Сварт, правда, ни мимикой, ни жестом не выдал своего отношения к такому вопиющему нарушению этикета. Разве что в эмоциях проскользнули нотки недовольства... и смирения в адрес князя. Кажется, дворецкий давно махнул рукой на поведение своего хозяина.

Пока Сварт расставлял на столике кофейный набор, Старицкий успел приземлиться в соседнее кресло и теперь молча наблюдал за действиями дворецкого. Вот только ощущение направленного чужого внимания, змеями скользящего вокруг моего тела, не оставляло меня ни на секунду. И что самое паршивое, за этим потоком я совершенно не мог разобрать эмоции князя... кроме тех, что он сам изволил демонстрировать.

– Как твоё самочувствие, Ерофей? – спросил Старицкий, когда дворецкий покинул гостиную, закрыв за собой дверь.

– Благодарю, чувствую себя замечательно, – ответил я, делая глоток горячего, отдающего кардамоном кофе. – От вчерашнего срыва не осталось и следа.

– Переволновался?

– Можно сказать и так. Последний месяц выдался слишком... слишком активным, – согласился я. – А ваше заявление просто стало последней каплей, если можно так выразиться.

– Понимаю, – кивнул Старицкий и, в свою очередь, пригубив кофе, откинулся на спинку кресла. – Но сейчас, как я вижу, ты уже в порядке, да?

– Вполне, – пожал я плечами. – Выспался, успокоился, готов к продолжению беседы.

– Это замечательно, – вернув блюдце и чашку на столик, князь хлопнул в ладоши, и пространство вокруг на миг исказилось, пропуская через себя волну какого-то конструкта, мгновенно затянувшего стены радужной прозрачной плёнкой. Заметив мой взгляд, князь пояснил: – Вообще-то это защита от попыток подслушать или подсмотреть происходящее в комнате, но в данном случае просто знак обитателям дома, чтобы не беспокоили без веской причины. Разговор у нас будет серьёзный... и долгий. Ты готов?

– Вполне, – ответил я.

– Славно-славно, – протянул Старицкий и ожёг меня пристальным взглядом. – Спокоен, сосредоточен и совершенно не удивлён, хотя не можешь не понимать, что беседа наша будет непростой.

– Я успел понять, что всё очень серьёзно, ещё вчера, когда мне представили кое-кого из гостей вашего дома, – заметил я. – И у меня было достаточно времени, чтобы... морально подготовиться.

– Хм, что ж, это хорошо, – протянул князь и неожиданно усмехнулся. – Хотя, честно говоря, я имел в виду несколько иное. Тайны, секреты, игры плаща и кинжала. В твоём возрасте это должно вызывать несколько иную реакцию, не находишь? Душевный подъём, любопытство... в конце концов, какой мальчишка не мечтает о приключениях?

– А, вот вы о чём, – я вздохнул. – Наверное, я вас разочарую, но приключений в моей жизни было более чем достаточно, и что они представляют собой на самом деле, я знаю очень хорошо. Настолько, что меня совершенно не тянет искать их на свою пятую точку.

– Весьма... разумно, – медленно произнёс Старицкий, не сводя с меня взгляда. – А для семнадцатилетнего юноши и вовсе мудро. И это не может не радовать. Меньше всего мне хотелось бы иметь дело с восторженным романтиком.

– А это обязательно? – спросил я.

– Что именно? – не понял князь.

– Я имею в виду, вам обязательно иметь дело со мной?

– К сожалению, да, – с почти незаметным вздохом кивнул мой собеседник и тут же поправился: – Только не прими это на свой счёт. Я имею в виду сложившуюся ситуацию и проистекающие из неё проблемы вообще. Безотносительно к личностям, в эти проблемы втянутым.

– Я понял, Виталий Родионович, может быть, хватит ходить вокруг да около, и вы всё же начнёте тот разговор, которым меня так пугаете? – попросил я. Князь едва заметно усмехнулся и кивнул.

– Уговорил, – произнёс он и, чуть помолчав, заговорил вновь: – Меня призвали в этот мир больше ста двадцати лет тому назад, если быть точным, то в семь тысяч триста девяносто восьмом году, по здешнему летосчислению.

– Сто двадцать семь лет, – пробормотал я, ошеломлённо глядя на собеседника, которому на вид и шестидесяти не дать. Вот это сохранность!

– Удивлён? – правильно понял мой взгляд князь. – Я тоже был в шоке, когда узнал, что люди, практикующие ментальные воздействия, живут чуть ли не втрое больше, чем мои бывшие соотечественники. И это не предел. Некоторые здешние «умельцы» уже третий век небо коптят. Сам таких встречал, так что знаю, о чём говорю. Правда, таких уникалов очень мало, суций мизер, если честно, да и характер у таких долгожителей... м-м, не сахар, прямо скажем. Но об этом я могу тебе рассказать и позже, а пока не будем отклоняться от темы.

Итак, как я и сказал, меня, как и тебя, призвали в этот мир сто двадцать семь лет тому назад. Кто? Волхвы. В России только они способны на такой фокус. Но в отличие от тебя, меня никто не спешил просвещать об этом факте. Собственно, о том, что в этот мир меня занесло не волей Вселенной, а воздействием бородатых умников из хольмградской волхвовской общины, я узнал почти случайно, и произошло это спустя добрый десяток лет после моего появления в этом мире.

– Вас это разозлило?

– Сам факт призыва? Нет, – покачал головой князь, глядя куда-то сквозь меня. – В конце концов, я получил новую жизнь, когда готов был распрощаться с той, первой. Трудно, знаешь ли, надеяться выжить, когда лежишь связанный на заляпанном кровью алтаре, и видишь занесённый над твоей грудью нож. Но вот тот факт, что меня старательно держали в неведении относительно причины появления в этом мире... да, это было обидно. Добрых десять лет считать, что всё происшедшее было удивительным стечением обстоятельств, и вдруг узнать, что всё это время тебя водили как собачку на шлейке, время от времени давая возможность побегать и порезвиться, а в случае необходимости, тут же натягивая поводок до хрипа в глотке... было очень неприятно. Я не хочу повторения этой ошибки и не хочу стать тебе врагом из-за глупых недомолвок, потому и говорю прямо и без экивоков.

– И зачем волхвам нужно было вас призывать? – спросил я, пытаясь сохранить невозмутимый вид. Новость о том, что меня не случайно занесло в этот мир, изрядно ударила по мозгам, как бы я ни хорохорился, утверждая, что готов к любым поворотам.

– Самим волхвам это было ни к чему, – покачал головой Старицкий. – Но у них был какой-то долг перед тогдашним главой Особой канцелярии, и таким образом волхвы его отдали. Уж не знаю, откуда князь Телепнёв узнал о такой возможности, но воспользовался он ею на все сто процентов.

– И всё же, зачем? – не то чтобы мне был действительно так уж интересен этот вопрос, но пока Старицкий будет на него отвечать, я надеюсь, успею прийти в себя.

– В школе ты должен был проходить новейшую историю государства Российского, – словно нехотя произнёс князь и вопросительно глянул на меня. Пришлось кивнуть. – Тогда, если ты не прошёл мимо неё, то должен помнить о Зееландском инциденте. Насколько мне известно, именно под таким названием эта история вошла в учебники.

– Отторжение острова Зееланд у Двойной Короны? – уточнил я... и замер. – Стоп, то есть вы и есть тот самый князь Старицкий, что отобрал у Нордвик Дан свою собственность и передал её России?!

– Он самый и есть, но уверяю тебя, учебники лгут, уверяя, что я был автором этого «инцидента», – ответил Виталий Родионович. – Моя роль хоть и была значимой и в чём-то незаменимой, но не я затеял всю эту возню. Настоящие авторы: князь Телепнёв и его старый друг, канцлер Рейн-Виленский. Это были весьма умные, жёсткие и прагматичные люди, и их мало что могло остановить в достижении поставленных целей. Призыв нужного человека из-за Кромки, четверть века подготовки... всё ради того, чтобы у государства появился шанс не только вернуть остров под длань русского государя, но и вычистить «под ноль» этот рассадник пиратства, веками осложнявший морские перевозки через Варяжское и Северное моря. Я же, по сути, выступал в качестве ключа к исполнению этого плана. Человек, который мог своей кровью подтвердить легитимность притязаний России на Зееланд.

– Это весьма... интересная история, Виталий Родионович, – протянул я. – И полагаю, мало кто о ней знает, не так ли?

– Конечно, – невозмутимо согласился тот, но, заметив моё беспокойство, махнул рукой. – Не переживай ты так, Ерофей. Сейчас это знание не опасно... при условии, что ты не станешь распространяться о своей осведомлённости, конечно. Вот лет так пятьдесят назад – да, узнай Особая канцелярия о том, что некоему господину Хабарову известны подробности этого дела,

и быть бы тебе у них на карандаше до самой смерти. А сейчас... сейчас это уже никому не интересно. К тому же на легитимность происшедшего факт моего иномирового происхождения повлиять никак не может. Не мог тогда, не сможет и в будущем.

– Почему? – не понял я.

– Потому что подобные случаи есть не только в нашей истории, но и в истории многих именитых родов Европы... и не только. Если копнуть поглубже, то обнаружится, что и правящие фамилии иных государств нет-нет да и прибегали к подобным ухищрениям. Не всегда удачно, да, но тем не менее. Из самых известных могу напомнить историю «Железной маски», когда алчные до власти умники из окружения Людовика Четырнадцатого вздумали устроить маленький дворцовый переворот и посадить на престол более вменяемого монарха...

– И что, посадили?

– А чёрт его знает! – неожиданно хохотнул князь. – Но двойника Луи они точно в мир призвали. В результате в Бастилии появился заключённый в той самой железной маске, а заговорщики неожиданно покинули этот мир, один за другим. Кто от несчастного случая, кто в бою, кто на дуэли. В общем, сказать точно, кто правил Францией в тот период, практически невозможно. Но я склоняюсь к мысли, что ушлый призванный обставил всех и таки устроил свой зад на королевский трон, после чего в срочном порядке и без шума избавился от призывавших его затейников. Правда, это только моё мнение, не больше. Подтвердить его, кроме как фактом скорой и чуть ли не одновременной смерти заговорщиков от естественных причин, я не могу. Ну, в самом деле! Если бы на престоле остался оригинальный Луи, вскрывший заговор, ему бы совершенно ни к чему было подстраивать «невинные» смерти своих противников. Власти у короля хватало, чтобы казнить их скопом без всякого суда.

– Интересно, – протянул я. – А что, волхвы ещё и французам задолжать успели?

– Почему? – Старицкий недоумённо взглянул на меня, но тут же понимающе кивнул. – А! Ты думаешь, лишь волхвам доступен фокус с призывом? Вовсе нет. Монахи бон, друиды, онмёдзи, брахманы... это только те, о ком я знаю точно. Но вообще, волхвы, наверное, наиболее часто прибегают к этому инструменту, правда, в основном для нужд своей общины. Заставить же этих товарищей действовать в интересах третьих лиц почти невозможно. Зато если им самим что-то нужно... У-у, ты себе не представляешь даже, на что они готовы пойти, лишь бы самим не разгребать свои проблемы! Белоручки чёртовы. Им, видите ли, устав не позволяет «своими руками менять естественный ход вещей». Пафосный бред, но волхвы им с успехом прикрываются уже не одну сотню лет. Мне кажется, они всё никак не могут забыть время гонений и таким образом абстрагируются от общества. Вроде как меньше контактов, меньше проблем. Впрочем... это, опять-таки, лишь моё предположение.

– И тем не менее, только на вашей памяти волхвы дважды провернули фокус с призывом не для своих нужд, а... как вы сказали? «В интересах третьих лиц», да?

– Считаешь меня и себя? – покивал князь и, на миг задумавшись, продолжил: – Можно сказать и так, но... есть у меня подозрения, что в случае с твоим призывом всё не так просто.

– В смысле? – я напрягся. Идея, что не один Старицкий лелеет некие планы на мой счет, совсем не привлекала.

– М-м... нет, я не думаю, что у них есть какие-то свои планы на тебя. Скорее, речь идёт о пересечении наших интересов, – совершенно правильно поняв причину беспокойства, проговорил князь, но, заметив мой недоверчивый взгляд, вздохнул. – Что ты слышал о так называемом «Уральском сдвиге», Ерофей?

Глава 2

Под столичным градом, в тереме с зимним садом

Из малой гостиной я вышел лишь перед самым обедом, и в очень... задумчивом состоянии. История, долгая и довольно запутанная, рассказанная мне князем, вызывала крайне противоречивые чувства. Чего стоило одно только упоминание древних богов, якобы поучаствовавших в её завязке! Впрочем, Виталий Родионович оговорил, что эта сомнительная информация известна лишь по преданиям самих волхвов, а их, дескать, хлебом не корми, но дай привязать даже к самому обыденному явлению участие богов. Как бы то ни было, но пресловутый «сдвиг» произошёл из-за исследований, проводившихся волхвовой общиной в середине уходящего века, а связаны они были именно с тем самым преданием об уходе старых богов из этого мира. Мне, как человеку неверующему, подобный факт и особенно его последствия, выразившиеся в катастрофе мирового масштаба, просто-таки взрывал мозг. Я вспомнил речь Старицкого и скривился.

– Не поверишь, Ерофей, у меня эта история вызывает натуральную головную боль, – усмехнулся князь, когда в ответ на его вопрос я признался, что ни черта не знаю ни о каких «сдвигах». – Но факт остаётся фактом, в своих изысканиях на основе древних текстов волхвы сотворили грандиозную гадость. По преданию, уходившие от вала новой веры боги, покидая наш мир, заперли за собой двери на замок, если не витийствовать. Было это на самом деле или нет, мне не важно, как и то, существовали ли в действительности все эти Перуны с Дажьбогами, или это были лишь могущественнейшие из тогдашних ментальных операторов. Но вот тот факт, что наши волхвы, эти шлимань недоделанные, нашли на Урале нечто, интерпретированное ими как тот самый «замок», и не удержались от того, чтобы в нём поковыряться, не вызывает никакого сомнения. И ведь доковырялись же, шучьи дети. Вскрыли чёртв «замок». Уж какую такую «заплатку» в ментальном поле планеты они сорвали на самом деле, я не знаю, но результат не заставил себя ждать. Сначала по Уралу прокатилась цепь мощнейших землетрясений, и южную часть горного хребта отрезало от основного массива огромным разломом, глубиной, что называется, до конца географии. Затем поднялась чудовищная ментальная буря, взбившая инфополе гор в натуральный ментальный кисель. Какими искажениями он проявился в реальности, можешь посмотреть в сети. Там полно роликов, снятых в этой эрзац-«Зоне». Но и это ещё не всё. Помнишь подъём мертвяков на юге, из-за которого у нас чуть война не началась? Вижу, помнишь. Так вот, философы неопровержимо доказали, что подобные «кунштюки» есть непосредственное следствие «Уральского сдвига».

– И много в этом мире таких... кунштюков? – поинтересовался я у князя, на что тот криво ухмыльнулся.

– Много и разных, один, например, могу прямо сейчас продемонстрировать, если хочешь. Самый безобидный... можно сказать, даже полезный, – проговорил Старицкий. Я кивнул. – Нискиня, покажись гостю!

Я следил за менталом, честно. Тем больше было моё удивление, когда на столике перед нами, не потревожив инфополя, вдруг возникло некое существо... фантом? Призрак? Чёрт его знает, что оно такое, но подносом и чашками с остывшим кофе жонглировало с лёгкостью. И опять-таки, ни малейшего возмущения в ментале!

– Эт-то что? – я перевёл непонимающий взгляд с «привидения» на хозяина дома.

– Энергоинформационная сущность девятого порядка, по последней классификации. Тип: домашний дух... Домовой, проще говоря, – делано-невозмутимо пожал плечами князь и, выудив из кармана конфету, кинул её в сторону существа. Лакомство исчезло, не долетев

до него буквально несколько сантиметров, а в следующую секунду посуда и поднос аккуратно опустились на стол, а домовый исчез, будто его и не было. – Нечисть, нежить... всё то, что мы считали сказками-побасенками, вдруг начала проявляться в мире. И слава богу... хм, м-да, в общем, хорошо ещё, что волхвы не стали запираяться и делать вид, будто они ни при чём. Наоборот, эти горе-экспериментаторы приняли самое живое участие в ликвидации последствий собственной дурачности. Но есть и минус. Они не могут успевать везде и всюду, даже вместе с «коллегами» из других стран. Равно, как и не могут поделиться наработками по этой теме. Устав, видите ли, не велит!

– И что, заставить никак? – полюбопытствовал я, мысленно делая зарубку в памяти о необходимости ознакомиться с классификацией этих самых энергосущностей... ну, когда факт их существования уляжется в моей бедной голове.

– Пробовали, – хмуро ответил князь. – На три попытки – два трупа и одно сумасшествие. После этого общины волхвов чуть войну не объявили. Мы пытались разобраться в сути запрета, но в итоге мозголомы только руками развели, мол, скрепы ментальных установок они видят отчётливо, но удалить их не в состоянии. Ни один приём классического оперирования на них толком не действует. Точнее, не так... действует, но недолго. Установку затирают, а уже через несколько секунд та сама восстанавливается. В общем, превратить такого пациента в овощ – не проблема. А вот снять хоть один запрет – никак. Единственное, что определили с абсолютной достоверностью, это время наложения установок. Обряд Отбора или процедура Выбора, как его ещё называют. То есть момент превращения неофита в волхва. Но в его тонкостях и сами-то волхвы не разбираются... или, опять-таки, устав не велит такую информацию разглашать.

– Дела-а... – протянул я, приходя в себя от рассказа и демонстрации. Поёжился, глянув на князя, и задал вопрос, ответ на который, как вопила чуйка, мне совсем не понравится: – Виталий Родионович, а я здесь, собственно, при чём?

– Догадайся, – скривился князь. – Ты ученик волхвов, пусть и изгнанных из общины. Обряда не проходил...

– Да ну! – я аж охрип, когда до меня дошло, на что именно намекает мой собеседник. – У меня же знаний в этой области вообще нет! Как так-то?! Что я могу сделать?!

– Бийские и Остромиров клятвенно заверяли, что необходимую базу для дальнейших исследований ты получишь. А Грац со своими людьми возьмётся за эти самые исследования и... додумают частности, так сказать. Приёмы, необходимые воздействия. Потом на созданной ими основе будут тренироваться специалисты, которых мы, собственно, и отправим затыкать эту чёртову дыру, – князь вздохнул и несколько нервно улыбнулся. – Или ты думал, что мы тебя снабдим кладенцом, дадим эльфа с гномом в команду и отправим воевать Мордор? Обойдётся. К тому же у разлома нет вулкана, а у меня нет Кольца Всевласти.

– Спасибо, успокоили, а то после информации об этих «энергосущностях»... домовых, полтергейстах и прочих барабашках с ходячими мертвецами я бы не удивился такому исходу. Честное слово! – я облегчённо хохотнул.

– Да ну на... к чёрту! Мы не в сказке всё же, Ерофей! – следом за мной коротко рассмеялся князь. – Избранные, это в соседнюю вселенную. Хотя... конечно, в чём-то ты прав.

Поймав мой вновь настороженный взгляд, Старицкий покачал головой.

– Нет, я не об избранности и геройстве на троих... я об антураже. Со стороны взглянуть, ведь действительно похоже получается. Призвали, магии обучили, миссией нагрузили, и «алга»!

– Не смешно, между прочим. Вот ни разу, – я мотнул головой. – Кстати, а зачем вообще нужно было накручивать такие сложности? Что, других учеников, ещё не прошедших инициацию, не нашлось?

– Именно так, – спокойно кивнул Виталий Родионович, стирая улыбку с лица. – Знаешь, сколько всего волхвов в нашей стране? Сорок три человека. Четыре круга, один из которых неполон. А учеников на всю их когорту – трое. Всего трое, Ерофей. К тому же волхвы решили, что решать проблему должны те, кто заварил эту кашу.

– То есть это Бийские сорвали «замок»? – уточнил я.

– Именно, доизучались аномалии, – подтвердил князь. – Да вот незадача, ни у изгнанных за совершённую ошибку Бийских, ни у иных членов их круга учеников нет.

– И вместо того, чтобы взять любого подходящего человека отсюда, они устроили мой призыв из иного мира? – изумился я. – Как-то это... из пушки по воробьям, нет?

– Не сказал бы. Подходящего ученика обычными методами волхв может искать не один десяток лет, а порой и дольше. Остромиров рассказывал, что последнего своего ученика искал тридцать четыре года. И не стал его призывать из-за Кромки только потому, что очень хотел обучить местного.

– То есть, вообще, для волхвов такие призывы в порядке вещей, да?

– Как посмотреть. По заверению того же Вышаты Любомирича, он лично знал как минимум трёх волхвов-выходцев из иных миров и не уверен ещё насчёт двоих, – пояснил князь. – Правда, двое его знакомцев уже померли, а третий, самый младший, недавно отпраздновал сто пятидесятый юбилей. Так что, сам видишь, процедура хоть и отработанная, но не сказать, что совсем уж обыденная. Тем не менее в нашем случае она оказалась куда перспективнее, надёжнее и быстрее, чем обычный поиск.

– И всё-таки это выглядит довольно дико, – вздохнул я. – Устраивать призыв человека из иного мира, только для того, чтобы задействовать его как невольный передатчик информации...

– Для нас, да, – кивнул Старицкий. – Но к волхвам нельзя подходить с обычной меркой, они просто мыслят иначе. Другими категориями, если угодно. Кстати, имей в виду, здесь это относится не только к волхвам. Фактически у каждого сословия имеются свои заморочки, не понимая которых можно нарваться на большие проблемы. Впрочем, об этом мы можем поговорить в другой раз, а сейчас предлагаю немного отдохнуть. К тому же скоро обед, а после него тебе предстоит пережить знакомство и расспросы моих домочадцев.

– Пережить? Всё так страшно? – спросил я.

– Мои внуки и правнуки о-очень любопытны, особенно когда дело касается новых людей в моём окружении. Конечно, Лада постарается их урезонить, но и она не вездесуща, – с почти настоящей печалью в голосе ответил князь. И честное слово, если бы не насмешливая улыбка, я бы принял его слова за чистую монету. Ну не действует на него моя эмпатия... почти. Точнее, не всегда. Эх.

– Понял, – кивнул я, тем не менее не торопясь подняться с кресла вслед за уже встающим хозяином дома. Заметив это, князь приподнял бровь в немом вопросе. – Я хотел бы уточнить кое-что, не касающееся всей этой запредельщины.

– О? Разумеется, – князь тут же уселся обратно в кресло и выжидающе уставился на меня. – Внимательно тебя слушаю, Ерофей.

– Виталий Родионович, как я понимаю, сам факт того, что я до сих пор жив, пусть и нахожусь не в своём родном мире, это полностью заслуга волхвов и... ваша, не так ли? – уточнил я.

– Можно сказать и так. Хотя моей заслуги здесь... ладно. Да. Если бы не призыв, там, в твоём мире, ты обязательно бы умер в ближайшие несколько секунд. Это непреложное условие ритуала. Одно из немногих известных мне наверняка, – ответил Старицкий.

– Тогда вопрос о моём обучении у волхвов и помощи вашим людям в обработке полученной информации не стоит. Я обязан отплатить за своё спасение. И тем лучше, что способ уже определён и не вызывает у меня отрицательных эмоций, – медленно проговорил я, и князь понимающе кивнул... а в глазах его, кажется, даже мелькнуло одобрение. Ну да, за такие вещи

цену лучше назначать сразу, иначе велик риск оказаться если не в вечной кабале, то в вечном долгу точно. Конечно, если речь не идёт о друзьях и близких, но... здесь я таких не наблюдаю. Пока, во всяком случае. Я тряхнул головой и договорил: – К тому же это было бы просто честно.

– Рад это слышать, – чуть склонил голову Старицкий и, помолчав, с усмешкой произнёс: – А то сам я, признаться, немного опасался начинать разговор на столь... щекотливую тему.

– Боялись, что я не смогу оценить все аспекты дела по достоинству? – чуть удивился я, на что князь совершенно не аристократично фыркнул.

– Боялся остаться без штанов, – со смехом произнёс он. – Мне, знаешь ли, весьма подробно доложили о всех перипетиях твоего торгового дела с Ростопчиными.

– Они разрушили мою лавку и мой дом! Не дали доучиться в школе! И вообще... я очень ценю комфорт, а люди Ростопчиных лишили меня его. Про отсидку в камере и пытки уже и не говорю. Я был в своём праве.

– Так ведь я и не отрицаю, – пожал плечами князь. – Хм, и да, намёк понял. Как по поводу лавки и жилья, так и по поводу учёбы в школе. Найдём и устроим.

– Не-не-не! – я даже руками замахал. – Не надо ничего искать и устраивать! У меня достаточно денег, чтобы самому снять подходящее помещение, как для работы, так и для жизни. А школа... думаю, с документами эвакуированного меня примут в любом учебном заведении столицы. Разве нет?

– Почти, – несколько уклончиво ответил Старицкий и явно о чём-то задумался. Но уже через несколько секунд встрепенулся и договорил: – У меня нет никаких возражений насчёт поиска жилья и лавки. Раз уж тебе так хочется самостоятельности, пожалуйста. Ты уже доказал, что способен выжить даже в экстремальных условиях, думаю, и жизнь в столице будет тебе по плечу. А вот по поводу школы... предлагаю обсудить этот вопрос чуть позже, и с участием моей жены. Лада является попечителем некоторых учебных заведений столицы и очень хорошо разбирается в вопросах, касающихся образования. Думаю, она сможет дать тебе несколько советов по этому поводу. Что скажешь?

– Я буду весьма благодарен за такую помощь, – я искренне улыбнулся в ответ.

– Замечательно. Мне остаётся только надеяться, что ты не сорвёшься завтра же на поиски квартиры, – произнёс Виталий Родионович. – Лада расстроится, если ты уедешь от нас слишком быстро. Да и... внуки-правнуки будут недовольны.

– У вас их много? – спросил я.

– Ребятишек? Восемнадцать, – моментально ответил князь. – Девять внуков, и пока ещё девять правнуков. А если считать всех детей, в смысле наших с Ладой потомков, находящихся в детском возрасте, то двадцать.

– Э-э? – не понял я.

– Мы с женой, слава богу, ещё находимся в репродуктивном возрасте, – ухмыльнулся Старицкий. – Что и доказали десять лет назад. Близнецы получились... реактивные.

Я аж икнул. Князю за сто пятьдесят, княгиня не намного младше, а их младшим детям по десять лет! Ох-ре-нет!

– Боюсь спросить... – проговорил я, кое-как справившись с изумлением. Князь кивнул, словно подбадривая, и я всё же решился: – А это считается нормальным... то есть обычным? В смысле, здесь все такие долгожители?

– Совсем нет, Ерофей, – как мне показалось, с печалью в голосе ответил Виталий Родионович. – Видишь ли, для того, чтобы жить долго, нужно активно заниматься естествознанием. Нет, не обязательно что-то исследовать, достаточно практики. Ежедневной и разнообразной. Чем обширнее практика, тем дольше тело сохраняет молодость и силу. Если такой возможности нет... или просто отсутствует желание, можно время от времени проходить соответствующие процедуры у целителей. Раз в пять-шесть лет. Правда, стоят они совсем недёшево. Но

даже средний обыватель вполне может скопить нужную сумму, не особо напрягая свой кошелёк и не отказываясь от маленьких радостей жизни.

– И при этом долгожителей мало? – удивился я.

– Не мало. Немного, – поправил меня Старицкий.

– Всё равно! Если вы говорите, что для долгой жизни достаточно лишь ежедневно широко использовать ментальные конструкторы... неужели это так сложно? Или это секрет?

– Не просто «ежедневно и широко», Ерофей. Практика должна быть разнообразной. И нет в этом никакого секрета, – пожав плечами, уточнил князь. – Вот уже сто лет прошло с тех пор, как этот факт был научно доказан. И подавляющее большинство прекрасно об этом знает, но... вспомни, в нашем мире все знают, что курение укорачивает срок жизни, а зарядка по утрам его увеличивает. И что? По логике, курение должно было уйти в прошлое, как страшный сон, а все люди поголовно должны начинать утро с зарядки. Но в моём две тысячи двенадцатом, знаешь ли, количество «паровозов» ничуть не стремилось к нулю, а утром не было пробок на беговых дорожках. Или что-то изменилось за прошедшие... кстати, ты из какого года?

– Из две тысячи семнадцатого, – ответил я и понимающе кивнул. – И да, я тоже не встречал в парках бегающих за здоровьем толп... как и дефицита гантелей в спортмагазинах.

– Вот видишь, – развёл руками князь. – И здесь та же история. Все знают, но лишь немногие предпринимают реальные шаги для продления собственной жизни.

– Всё равно это странно, – заметил я. – Ладно, курение, зарядка... при разнице в пятьдесят лет, да ещё и при большом разбросе в сроках жизни вообще, нежелание людей избавляться от дурной привычки или тратить время на «бессмысленные телодвижения» вполне понятно. Лень, она любую логику ногами запиная, просто, чтоб та спокойно спать не мешала. Но здесь же речь идёт как минимум о семидесяти-восемидесяти годах! Причём, как я понимаю, не старости с её болезнями, слабостью и медленным угасанием, а вполне активной, полноценной жизни! Так почему?

– Говорю же, потому что недостаточно просто использовать три-четыре ментальных конструктора в день. Они должны быть разноплановыми, и их должно быть не меньше десятка, чтобы применение таковых оказало оздоравливающее влияние на тело оператора. Но человек должен знать эти самые конструкторы. А откуда, если он не учился на факультете естествознания, а для работы и жизни ему хватает того же десятка конструкторов, применяемых от случая к случаю, то есть даже не каждый день? Кстати, если заглянешь в Хольмский университет, то увидишь удивительную картину. Половина студентов прикладных факультетов – люди, что называется, «за сорок». Спыхватившиеся, как их зовут преподаватели. Учатся эти господа на совесть, и, если говорить честно, то именно они со временем становятся настоящими специалистами в прикладном естествознании. Кузница кадров будущих мастеров, можно сказать.

– Виталий Родионович, а используя изученные конструкторы, они молодеют? Или просто «замирают» в том возрасте, в котором начали работу над собой? – поинтересовался я. А что, интересно же! Тем более что о таких тонкостях я вообще ничего не знал. Не встречалась мне подобная информация в тех источниках, что довелось читать.

– Ну, откат до тридцатилетнего возраста можно получить уже через три-четыре года активной практики, – ответил князь. – Но потом... всё равно, чем дольше живёшь, тем больше конструкторов ты должен применять, чтобы тело сохраняло молодость и силу. И то это действует лишь до третьего десятка конструкторов, то есть в среднем лет до семидесяти реального возраста примерно. Потом процесс старения всё же берёт своё, хотя и растягивается очень сильно. Насколько, можешь оценить, глядя на нас с Ладой. Кстати, нам с женой, чтобы сохранять нынешние кондиции, нужно использовать не менее полусотни ментальных операций в сутки, – объяснил князь. – А тот же Остромиров, насколько я знаю, вообще «колдует» по несколько часов в день без перерыва. Того и гляди, в отшельники намылитесь.

– Почему «в отшельники»? – не понял я.

– А как иначе? – развёл руками Старицкий. – Представь, каково приходится окружающим, когда рядом такой дедушка шалить начинает. Широко, многопланово и, самое главное, без остановки! Да от того шторма, что он устроит в ментале, даже святой рехнётся.

– То есть это, получается, стандартная процедура, да?

– Именно так. Среди обычных людей до такого уровня пока ещё никто не развивался. А вот волхвы да, им на определённом этапе приходится уходить из общества, просто чтобы не доставлять серьёзных неудобств окружающим людям.

– Интересно... а что потом? – пробормотал я.

– Потом? Смерть, я полагаю, – равнодушно заметил князь, но, заметив мой взгляд, нахмурился. – Что?

– Вы не интересовались этим вопросом, да? У тех же волхвов, например?

– Не видел смысла. А что, у тебя вдруг появились другие предположения? – осведомился Старицкий.

– Можно и так сказать, – протянул я, одновременно пытаюсь сформулировать то, что вертелось в голове в виде неопределённых образов. – Во-первых, что произойдёт с человеком, дожившим до такого возраста, когда он вынужден будет постоянно выдавать какие-то ментальные воздействия без остановки и перерывов на отдых и сон?

– Полагаю, он просто должен перестать заниматься ерундой и позволить себе уснуть в последний раз, – довольно резко откликнулся князь, но почти тут же смягчил тон: – А во-вторых?

– А во-вторых, подобные действия противоречат логике. Если разнообразные воздействия в ментале позволяют продлить жизнь, значит, должен быть какой-то... финальный эффект, что ли? Ну, не знаю, как правильно объяснить.

– Переход количества в качество? – усмехнулся Старицкий.

– Ну да... что-то в этом роде. Я ведь правильно понимаю, что чем больше манипуляций совершает оператор, тем мощнее и объёмнее они становятся со временем? То есть навык ментального оперирования развивается, а не остаётся неизменным на протяжении всей жизни?

– Да, пределов развития дара нет. Или до него пока просто никто не дошёл. Хм, логичное предположение, вообще-то, – князь задумчиво покачал головой. – Но... всего лишь предположение. Мышцы человек тоже может «качать» всю жизнь, но и они когда-то сгниют в земле или сгорят в печи крематория. Без всякого «качественного скачка».

– Да, но ментальное оперирование не имеет ничего общего с материальным телом человека, у которого всё же есть свой предел развития, – не согласился я. – Так почему не предположить, что и итог в этом случае будет отличным?

– Думаю, этот вопрос стоит обсудить с Всеславом и Вышатай Любомиричем, им будет интересно. Весьма интересно! – после недолгого молчания неожиданно заключил Старицкий и, глянув на часы, хлопнул в ладоши: – Ерофей, мы опять скатились в «запредельщину», от которой ты хотел отдохнуть. Да и время вышло. Обед через пять минут, и если мы не появимся вовремя в столовой, нас с тобой схарчат вместо первого блюда. Идём.

– Надеюсь, там не все восемнадцать детишек сразу? – пробормотал я, выходя следом за князем из гостиной.

– Не волнуйся. Сегодня в гостях только четверо из них, да и те под присмотром моего внука Болха. Плюс твоя знакомая Злата, – бросил через плечо Виталий Родионович и, еле слышно рассмеявшись, договорил: – Маленькая защитница! Вчера она наотрез отказалась, цитирую: «Оставлять братика Еру одного в незнакомом месте». Так что имей в виду, прозвище у тебя уже есть и избавиться от него не выйдет. Детям оно слишком понравилось.

– Ера, значит? Ну... хорошо, что не Ять, – вздохнул я и встрепенулся. – Стоп. То есть Бийские не уехали?

– Бран Богданич остался с дочерью, а Бажена Вентовна отправилась домой, опасается, что Олег с Марой что-нибудь учудят без её пригляда, – всё так же на ходу пояснил Старицкий.

– Эти могут, – согласился я, поднимаясь по широкой лестнице следом за князем.

– Кстати, Грац и Остромиров тоже здесь, но они клятвенно пообещали Ладе, что до вечера тебя не побеспокоят.

– И это хорошо. После нашего разговора мне, пожалуй, действительно нужно немного отдохнуть, – откликнулся я.

– Погуляешь по парку, развеешься. Заодно и информация в голове уляжется, – ответил князь и кивнул, когда возникший перед нами Сварт распахнул двери в столовую.

Действительно, маленькая защитница. Стоило нам оказаться в просторной комнате со стоящим в её центре огромным овальным столом, уже сервированным к обеду, как на мне скрестился добрый десяток взглядов. Ожидające, любопытствующие, равнодушные... в полной тишине мы с хозяином дома двинулись к столу, но почти тут же раздался скрежет отодвигаемого стула и быстрый уверенный топот. Исчезнувшая из-за стола Злата вихрем подлетела ко мне и, не обращая никакого внимания на окружающих, с довольным визгом повисла на моей шее. Как только допрыгнула, малявка?!

Левое ухо тут же оглохло от звонкого голоса девочки, безостановочно тараторящей и вываливающей на меня сразу тонны информации... обо всём. И как она за меня переживала, и какой этот дом огромный, и как ей понравился балльный зал. Имена детей, с лёгким изумлением взвизгивающих на нас из-за стола, перемежались сведениями о количестве собак, живущих в имении, естественно, с упоминанием всех кличек; мнение о раннем завтраке и качестве апельсинового сока, поданного к нему, высказывалось одновременно с рассуждением о красоте цветов в верхнем зимнем саду... в общем, спустя максимум десять секунд я узнал о загородном поместье Старицких как бы не больше, чем смог бы узнать за год жизни здесь.

Но, наконец, Злата уgomонилась и... повела меня знакомиться с уже еле сдерживающими смех присутствующими. По крайней мере, взрослые, сидящие за столом, явно давили предательские улыбки. А вот дети... хм, если я не ошибаюсь, обаятельная непосредственность Златы просто ввела их в ступор. Ну, в принципе, чего-то подобного стоило ожидать, как я думаю. Всё же в комнате сейчас присутствуют не только «свои», родные и домашние, при которых вполне позволительно беситься и плевать на этикет, но и гости, при которых обычно детей учат вести себя «подобающе». Учитывая же, что и сама Злата числится здесь гостьей... подчеркну, «маленькой гостьей», такое пофигистичное отношение к вбываемым правилам поведения не могло вызвать у юных княжат удивления и... зависти. Самой жгучей зависти, которую я легко ощутил. Общий же фон в столовой был скорее умиленно-насмешливый. И к кому из нас какое чувство относится, разобраться было несложно. Да и к чёрту! Смейтесь, сколько хотите, по сравнению с тем океаном радости, в который меня макнула маленькая егоза, ваши смешки – тьфу и растереть!

Правда, был и ещё один поток эмоций, изрядно выбивающийся из общего ряда. И на него я просто не мог не отреагировать. Каюсь, не удержался и, глянув на застывшего у дверей Сварта, с ехидной улыбкой подмигнул фонащему усталым недовольством дворецкому.

Четыре – два, господин Сварт!

Глава 3

Князь с княгиней пировал, гостей медами привечал

Как и обещал князь, ни Грац, ни Остромиров не стали искать моего общества после обеда, на котором они присутствовали наравне с хозяевами дома и сыном деда Богдана. Точнее, они пытались пригласить меня на разговор, но почти тут же отступили. Впрочем, мне кажется, что основной причиной, по которой исследователи отказались от мысли утянуть меня для беседы о делах наших скорбных, была вовсе не настоятельная просьба Старицкого или понимание того, что мне требуется время на переваривание уже полученной этим утром информации. Вовсе нет. Скорее уж их удержали насупленные взгляды детской части компании, собравшейся за обеденным столом. Судя по всему, Злата успела им что-то рассказать о «братике Ере», и княжьи детишки уже нацелились на знакомство. Уж не знаю, почему, но Грац и Остромиров, заметив их интерес, дружно сдали назад, чему я только обрадовался. Благодаря действиям княжских отпрысков и Златы, у меня появилась возможность отвлечься и... хоть немного привести в порядок мысли, так и бурлившие в моём перегретом от новостей котелке.

Одержав победу над взрослыми, дети довольно загалдели, похватали куртки и, взяв меня в классическую коробочку, повели в парк под насмешливое фырканье следующего позади нас Болха, назначенного присматривать за своими мелкими родственниками. Злата ещё и за руку меня ухватила, чтоб не сбежал по дороге, наверное. Причину такого неподдельного интереса к незнакомому человеку я понял, едва мы оказались на небольшой, усыпанной палой листвой полянке, спрятавшейся за высоким вечнозелёным кустарником, почти в самом центре парка. Здесь, под общий детский «ах», младшая Бийская, задрав носик, призвала своего иллюзорного защитника и, погладив по носу уже чуть «подросшего» белого медведя, обвела детей Старицких гордым взглядом. Болх аж икнул, узрев зверюгу, и дёрнулся было к детворе, но напоролся на мой взгляд и, пересилив себя, настороженно замер на месте. А дети...

Визг, писк, обнимашки. Понятное дело, что иллюзия не выдержала издевательства и вскоре исчезла, словно её и не было. Впрочем... десять минут она продержалась, и это было несколько больше того, на что я рассчитывал изначально. А это может означать только одно: вплетённый в систему «оградник» стал вбирать больше ментальной энергии девочки, чем раньше, что свидетельствует о росте её сил.

Почувствовав, как кто-то дёрнул меня за штанину, я отвлёкся от размышлений.

– Ерофей, – проговорило мелкое русоволосое создание в тёмно-синей пелерине и, тряхнув двумя тугими косичками с огромными белоснежными бантами, ткнула в сторону Златы пальчиком. – Она говорит, что медведя ей подарил ты. Это правда?

– Да, Лана, – кивнул я в ответ, краем глаза отметив, как замерли остальные дети... включая хитро поблёскивающую глазками Бийскую и удивлённо уставившегося на меня Болха, по-прежнему держащегося чуть в стороне от детворы, но находившегося достаточно близко, чтобы прекрасно слышать наш разговор.

– А мне... нам можешь сделать такого же? – после небольшой паузы произнесла правнучка Старицкого.

– Могу, – пожав плечами, ответил я и тут же чуть не оглох от радостных криков окружающих меня детей. К счастью, недолго. Оказалось, достаточно поднять руку, и «мелкие» тут же умолкли в ожидании. Что ж, я их не разочаровал. – Но есть два условия. Первое: мне необходимо разрешение родителей на создание иллюзорных компаньонов для вас. Дело это непростое, папы и мамы могут оказаться против того, чтоб вы обзавелись неизвестными мен-

тальными конструктами, сути которых они сами не понимают. Не обижайтесь на них за это, они заботятся о вашей собственной безопасности.

– У-у... – детишки заметно скисли, а вот Лана только легонько кивнула, словно ничего другого и не ожидала. И это шестилетний ребёнок? Ну-ну...

– А второе? – спросила она.

– Я стараюсь не делать одинаковых... компаньонов, и пока физически не могу сотворить какую-нибудь диковинную зверюшку, которой и в глаза не видел, – объяснил я неофициальной предводительнице этой компании. – А это значит, что выбор ваш будет ограничен теми животными, что можно увидеть в зоосаде... или в цирке.

– То есть на дракона можно не рассчитывать, да? – вздохнул кто-то из мальчишек. В ответ я только пожал плечами... но в памяти зарубку сделал. Затея-то интересная, даже очень, вопрос только в её воплощении. Если, например, взять матрицу летучей мыши, змеи и... так, не сейчас! О совмещении матриц можно будет поразмыслить позже... и в одиночестве, чтоб никто не отвлекал, а сейчас мне просто не дадут такой возможности.

– Увы, такие иллюзии мне пока не по плечу, – признался я, разводя руками. Дети повздыхали, но почти тут же увлеклись спором о том, какой зверь «круче», и вскоре напрочь забыли о выставленных мною ограничениях и требованиях. Пожалуй, кроме Ланы. Девочка оказалась умной и настырной. Пока остальные её родственники спорили и мечтали о собственных компаньонах, она надела на нас со Златой, пытаясь вызнать всё что можно об умениях иллюзоров, и, судя по её вопросам, девочка явно готовила аргументы для скорого разговора с родителями на тему приобретения собственного компаньона. Пусть это выглядело по-детски наивно, но... повторюсь, ей всего шесть лет, а она уже довольно лихо строит логические цепочки и явно знает цену информации. О том, что она, самая младшая в компании княжат, является для них лидером, я и вовсе молчу. Просто маленький гений какой-то, иначе не скажешь.

Закончив расспросы и вежливо поблагодарив нас со Златой, Лана несколько минут о чём-то размышляла, наворачивая круги вокруг нашей компании, и вдруг застыла на месте. Маленький кулачок с громким хлопком врезался в раскрытую ладошку, и галдёж четырёх спорящих детей неожиданно стих.

– Я придумала! – воскликнула Лана, заметив, что на ней скрестились взгляды родственников. Не дожидаясь их вопросов, девочка широко улыбнулась. – Мы попросим разрешения на поездку в зоосад все вместе, и не у родителей, а у тётушки Лады. Она нам точно не откажет.

– А об иллюзорах тоже её просить будем? – подал голос Велимир, чуть грузноватый, похожий на медвежонка, тёмно-русый восьмилетка с серьёзным взглядом исподлобья. Если не ошибаюсь, это внук Родиона Витальевича, старшего сына князя Старицкого... или его сестры Беляны Витальевны? Не помню.

– Именно! Сразу после разговора о зоосаде, – кивнула Лана. – И сделаем это сегодня, пока не уехали Всеслав Мекленович и Вышата Любомирич. Пусть они подтвердят, что зверюшки безопасны, тогда тётушка Лада точно не будет против!

Хитрая малявка. Умная малявка... Под напором пяти пар умоляющих глаз Лада Баженовна точно не устоит, а после того, как Остромиров с Грацем подтвердят безопасность иллюзоров для детей, ей будет вообще не отвертеться. И даже если бы родители детишек вдруг вздумали возражать, против решения старшей женщины рода они точно не попрут. Урон авторитету, однако!

– Точно, – закивали остальные дети и... вихрем умчались в дом. Проводив взглядом убегающую ватагу «мелких» Старицких и плетущегося за ними старшего родственника, мы со Златой переглянулись.

– Прогуляемся по парку? – предложил я. Девочка чуть подумала, тряхнула переливающимся под лучами позднего осеннего солнца золотом волос и, решительно кивнув, ухватила меня за руку.

– Я по тебе соскучилась, – пробурчала она, и я не удержался от улыбки. Взаимно, сестрёнка, взаимно!

С прогулки в компании Златы я вернулся довольным и умиротворённым. Мысли об утреннем разговоре с князем больше не тревожили, не царапали сознание мелкие нестыковки, наличие которых я просто нюхом чуял после разговоров с устроившими моё переселение в этот мир людьми. Да, чуял, но определить истинную причину беспокойства пока не смог, и это, признаться, несколько напрягало. Но вот глядишь ты, прогулялся со Златой и... плюнул на них. Мелочи – они мелочи и есть, по крайней мере, так говорит моя чуйка, а я всё же привык ей доверять.

Вообще, здесь в парке, болтая со Златой, я наконец почувствовал себя... нет, не дома – просто свободным. Словно закончил какое-то большое и мутное дело. Впрочем, так ведь оно и было на самом деле. Позади эпопея с погонями, побегами и перестрелками. Позади камера и пытки, ранения и госпиталь. Конец приключениям. Но лишь сейчас я понял это не только мозгами, но и всем своим естеством, и скинул, наконец, с плеч напряжение последних месяцев. А всего-то, оказывается, и надо было прогуляться по ухоженному осеннему парку в компании с маленькой девочкой, зовущей меня братиком Ерой. Эх!

Перед ужином мне пришлось выдержать ещё одно столкновение со Свартом. Дворецкий просто-таки отконвоировал в выделенную мне хозяевами дома спальню, где предложил переодеться к ужину. Твою ж дивизию! Костюм к ужину! Утренний костюм, костюм для прогулок, костюм для визитов... у них тут, случаем, специального наряда для похода на горшок не предусмотрено?!

Как бы мне ни хотелось вновь утереть нос камнемордому сатрапу, пришлось следовать его указаниям. Как же, «распоряжение князя, Ерофей Павлович». Наверняка нажаловался Старицкому на моё нежелание следовать столь обожаемому им правилам. С другой стороны, сильно сомневаюсь, что Виталий Родионович, который, как я понял, и сам не является большим поклонником расшаркиваний, стал бы настаивать на соблюдении мною правил этикета без особых на то оснований. И да, я бы, конечно, мог упереться рогом и явиться на ужин в собственной одежде, благо ту уже привели в порядок, но зачем идти в пику хозяевам дома, пока ещё не сделавшим мне ничего плохого?

Покосившись на чёрный, явно очень дорогой смокинг, я вздохнул и принялся переодеваться. И всё бы ничего, если бы не галстук-бабочка! Я просто понятия не имею, как его завязывать. Чуть помявшись, плюнул на возможную реакцию дворецкого и то удовольствие, которое он получит, тыкая меня носом в мою же «необразованность», и, обернувшись к Сварту, застывшему у дверей, открыл было рот, чтобы попросить о помощи. Но не успел я сказать и слова, как дворецкий понимающе кивнул и, в два неуловимых шага оказавшись рядом, моментально решил мою проблему. И полный штиль в эмоциях! Может, моя эмпатия сломалась?

Я чуть покрутил головой и, к удивлению своему, не ощутив никакого дискомфорта, от души поблагодарил Сварта за помощь.

– Не стоит, Ерофей Павлович, – качнул тот головой. – Это моя работа.

А вот сейчас в эмоциях дворецкого проскользнуло что-то похожее на удовлетворение. Значит, эмпатия всё же работает. Отрадно.

Честно говоря, всегда считал, что галстук-бабочка должен быть жутко неудобным в ношении, а не нет. Дышать не мешает, на горло не давит, и даже накрахмаленный воротник под галстуком шею не режет.

Я окинул взглядом своё отражение в зеркале. А что? Вполне приличный молодой человек получился. Невысок, правда, и, наверное, излишне худощав, но в глаза это особо не бросается, спасибо костюму. Ещё бы что-то с патлами сделать. Ладно, пока и так сойдёт! А буду в столице, загляну в парикмахерскую, цирюльню то бишь, и обкарнаю свои лохмы до приемлемой длины.

– Сварт, подскажите, с чего вдруг потребовался такой официоз? Вроде бы с утра ничего подобного не предполагалось, или мне просто забыли сообщить? – я решил-таки поинтересоваться причинами, по которым князь просил меня явиться в столовую «при параде».

– Пришли хорошие новости с юга, и его сиятельство решил устроить по этому поводу небольшой праздник в узком кругу друзей и знакомых, – несколько размыто объяснил Сварт и, сверившись с заигравшими какую-то тонкую мелодию карманными часами, направился к выходу. – Время, Ерофей Павлович. До ужина осталось не больше получаса, а вам ещё предстоит познакомиться с гостями.

Гости? Неужто Вент Мирославич решил вновь посетить Старицких? При мысли о том, что я чем-то заинтересовал пусть бывшего, но главу здешнего аналога «конторы глубокого бурения», стало немного неудобно. Я и в той жизни старался избегать подобных контактов, пусть и не всегда удачно... впрочем, потому и старался, что удовольствия такие встречи не приносили ни одной из сторон. А что вы хотите? Вечный спор «пиджаков и сапог» ещё никто не отменял. Да и здешний опыт со счетов сбрасывать не стоит. «Особисты» это не «канцеляристы». И что? И то и то – конторы, и та и другая заточены на поиск крамолы и шпионов, пусть и в разных... социумах, скажем так. И с чего бы их методам работы отличаться? Вот-вот.

В общем, в официальную, так называемую «Большую гостиную», где собрались обещанные Свартом гости, я вошёл, ощущая некоторое волнение. Нет, страха не было, но и удовольствия от возможной встречи с толпой явно не простого люда, что будут рассматривать меня, словно неизвестную зверушку, я не испытывал ровным счётом никакого. Правда, стоило оказаться во втором по размеру зале усадьбы, и чуть присмотреться к гостям, как волнение пропало, сменившись лёгкой и вполне понятной настороженностью. Да, я просто не понимал, зачем Виталию Родионовичу понадобилось представлять меня этой компании, и это непонимание... напрягало.

Вопреки своим ожиданиям, Вента Мирославича среди прогуливающих по залу людей я не заметил, как не почувствовал и какого-то особого интереса к моей персоне со стороны гостей. Точнее, интерес был, но вполне объяснимый и ожидаемый, как к новому лицу в давно сложившейся компании, где все друг друга знают не один год, если не десятилетие. Было и удивление от моего возраста, что тоже вполне естественно, учитывая, что среди гостей не было ни одного человека, которого можно было бы с полным правом назвать молодым. Правда, всё это ещё ни о чём не говорило. И пусть по чертам лиц как минимум четверти гостей было ясно, что они родственники княжеской четы, а следовательно, каких-то серьёзных неприятностей от них ждать не стоило, по крайней мере, до тех пор, пока я не лишусь защиты хозяина дома, градуса моей собственной настороженности это не убавило. К тому же остальные гости не вызвали у меня доверия. Почему? Да чёрт его знает, кто из них есть кто и как умеет скрывать свои эмоции. Может быть, среди этих улыбающихся и пристально рассматривающих меня лиц сейчас не бывший, а нынешний начальник Особой государственной канцелярии прячется! Так что рано расслабляться, ой рано.

Громогласно объявлять о моём приходе никто не стал, как и официально представлять всем присутствующим разом. Но как-то так получилось, что стоило мне оказаться в гостиной, как нарисовавшийся рядом Бран Богданич тут же перезнакомил меня с компанией военных, с которыми он вёл какой-то спор. Миг, и меня уже перехватывает Лада Баженовна, затягивая в общество своих подруг и младших родственниц, моментально высыпавших на меня ворох своих имён-отчеств и с ходу заваливающих сотнями вопросов, отвечать на которые я практически не успеваю. А ещё через пять минут меня, порядком оглушённого и растерянного от женского щебета, уже утягивает в сторону Болх Старицкий, пожалуй, единственный мой ровесник во всём этом зале. И снова знакомство с очередной компанией, дымящей, словно пяток броненосцев, и потому предусмотрительно устроившейся под ментальным конструктом воздушного очистителя. Имена, профессии, интересы и хобби, споры о военном деле, произ-

водстве и политике, в которой я ни бум-бум... За те полчаса, что мы дожидались начала ужина, меня просто погребло под информационным валом. И честное слово, я был искренне благодарен Сварту, когда тот распахнул двери и пригласил нас к столу.

За ужином темы разговоров сменились. Гости, прежде разбившиеся на компании по интересам, сейчас участвовали в общей беседе. Мы же с Болхом старались не отвечивать, в разговор старших не вмешивались и отвечали лишь на те вопросы, что были адресованы непосредственно нам. Уж не знаю, почему отмалчивался внук князя, но я не участвовал в общем разговоре просто потому, что большая часть имён, событий и столичных новостей, о которых упоминали гости, мне были совершенно неизвестны. Да что там! Я и о причине нынешнего сборища узнал только из тоста, прозвучавшего в начале трапезы. А она была достойной, между прочим! В три часа дня военные доложили государю об окончательном решении вопроса с неупокоями, терзавшими южные пределы государства, а уже полчетвёртого в эфире прозвучал поздравительный манифест на эту тему. Правда, я не понял, какое отношение к этому действию имеет семейство Старицких, но... да чёрт с ним. К волхвам Виталий Родионович вроде бы тоже отношения не имеет, но ведь возится с результатом их деятельности? Я имею в виду пресловутый «Уральский сдвиг».

И вообще, князь большой, ему видней. А меня и такой повод для праздника устраивает. Тем более что княжеский повар поработал на славу, и огромный стол в большой столовой просто-таки ломился от блюд, аромат которых... эх! Жаль только, что меня всё же отвлекли от дегустации очередного шедевра.

– Ерофей, скажи, что за конструктор ты продемонстрировал детям, ради получения которого нужно обязательно посетить хольмградский зоосад? – спросила Лада Баженовна, и взгляды гостей скрестились на мне. Болх подмигнул и тут же изобразил глубокий интерес к овощному рагу. Сдал, зараза.

– Иллюзорного зверя, ваше сиятельство, компаньона, почтальона и немного защитника, – отвлёкшись от поглощения пряного телячьего медальона, ответил я. – Злата продемонстрировала мой подарок, и детям он очень понравился. Полагаю, теперь они хотят побывать в зоосаде, чтобы подобрать для себя... прототипы, так сказать.

– Иллюзорный защитник? – приподнял бровь один из военных, присутствовавших за столом, инженер-полковник Эбергардт. – Странное сочетание. Как иллюзия может от чего-то защитить? Она же не материальна.

– «Немного защитник», – уточнил я. – Прежде всего, созданный мною иллюзор это компаньон и почтальон, способный доставить послание в любую точку мира за считанные секунды... без всякого зеркала. Функция защитника в нём второстепенна и не так мощна, как мне хотелось бы, но и имеющегося потенциала достаточно, чтобы защитить хозяина иллюзора от нападения взрослого человека, не обладающего познаниями в боевом ментальном оперировании, или, в крайнем случае, дать время хозяину, чтобы сбежать от опасности. Что же до нематериальности иллюзий, это распространённое историческое заблуждение, основывающееся на особенностях лишь одного их типа – оптического. Любой современный физик легко докажет, что все иллюзии без исключения в той или иной мере материальны. Другое дело, что степень этой «материальности» может быть просто мизерной.

– Вот-вот, а я о чём говорю! – фыркнул полковник. – Удар иллюзорного кулака синяка под глазом не оставит, и боли не причинит.

– Уверены, Игорь Святославич? – повинуюсь моему мысленному приказу, на столе появился Бохом, на этот раз в череске с газырями и папахе. Только шашки не хватает... и пики. Впрочем, последнюю он тут же нашёл, выхватив у меня из руки двузубую вилку, которой я терзал телячий медальон. Иллюзор, под удивлёнными взглядами сидящих рядом гостей, ловко прокрутил её в лапах и вонзил в кусок мяса, лежащий на моей тарелке. Понятное дело, что поднять изрядно потяжелевший «снаряд» ему бы не удалось, поэтому я тут же развёл

своего «боевого хомяка» и, взяв вилку в руку, зубами стянул с неё кусочек медальона. Прожевав ароматное мясо, я кивнул полковнику: – Как видите, не всё так однозначно. А Злата на своём защитнике даже прокатиться может, благо габариты иллюзора это вполне позволяют.

– Не видел бы своими глазами, не поверил, – покачивая головой, проговорил Эбергардт под удивлённый гул гостей, с интересом следивших за нашим разговором и за действиями Бохома.

– Это всего лишь демонстрация, – произнёс я. – Бить лапами, царапаться и кусать иллюзор, как вы видите, вполне способен, но основное его оружие всё же в другом. Инфразвук, ослепляющие вспышки, электроразряды. Нефатальные методы борьбы, скажем так. Всё-таки в его задачу входит защита хозяина от агрессии, но никак не убийство.

– А вы могли бы создать иллюзора-убийцу? – задал неожиданный вопрос сосед Эбергардта, щеголяющий погонами штабс-капитана на светло-сером парадном кителе. Стоял Твердиславич Крамов, шеф-пилот Второй Анненской эскадрильи, так он представился при знакомстве. М-да, либо этот дядя – великолепный актёр, либо моё первое впечатление о нём, как о недалёком разгильдяе, полностью соответствует истине. Будь он умней, такого дурацкого вопроса не задал бы.

– Теоретически – да. На практике же я сдам в Особую государеву канцелярию любого идиота, что додумается обратиться ко мне с подобной просьбой, – отрезал я. – Свобода, знаете ли, она дороже денег.

Дождавшись, пока стихнет шум, последовавший за этим заявлением, полковник задумчиво глянул на вилку в моей руке и, резко кивнув, спросил, явно стараясь сгладить впечатление, произведённое его соседом:

– Ерофей... Павлович, не уделите мне после ужина четверть часа для более подробной беседы об иллюзиях вообще и о ваших иллюзорах в частности?

– Почту за честь, Игорь Святославич, – кивнул я в ответ и, почуввав всплеск интереса, докатившийся до меня с другого конца стола, глянул в ту сторону, но человек, от которого шла эта волна эмоций, уже отвернулся и о чём-то тихо заговорил с сидящим во главе стола князем. М-м, помню его, Бадри Автандилович Багратов был в компании «промышленников», с которыми меня знакомил Болх. Любопытно, что этого господина так заинтересовало в моём иллюзоре? Хотя-а... вроде бы княжий внук говорил, что Багратовы занимаются производством зеркомов, а там чуть ли не девяносто процентов системы на иллюзии завязано. Интересно... ха! Спорю на червонец, что сейчас Бадри Автандилович вовсю расспрашивает обо мне хозяйина дома! И это неплохо. Не знаю пока, что именно его заинтересовало в иллюзорах, но если удастся как-то связать эту тему с производством Багратовых... хм, думаю, на этом можно будет неплохо заработать.

От радужных мечтаний меня отвлек всё тот же инженер-полковник Эбергардт, всерьёз заинтересовавшийся темой псевдоматериальности иллюзий. А следом подключился и сидящий напротив Болх. Правда, последнему, как мне кажется, больше хотелось расспросить меня не об иллюзиях вообще, а конкретно об иллюзорах-защитниках. Ну да, после обеда, на памятной прогулке, ему вроде как было неуместно уподобляться детишкам, терзавшим Умку Златы, а сейчас, когда к теме проявил интерес взрослый, можно и не шифроваться.

– Ерофей, а во сколько мне обойдётся такой зверёк? – спросил Болх, когда Эбергардта отвлек кто-то из соседей. Ну, что я говорил? Не выдержал младший Старицкий.

– Червонец, – прищурившись, я улыбнулся. – И то при условии, что выбранное тобой животное найдётся в столице.

Болх задумчиво кивнул.

– Думаю, я составлю младшим компанию в завтрашней поездке в зоосад, – протянул он. – Поедешь с нами?

– Почему бы и нет? – я пожал плечами. – Быстрее сниму матрицы, быстрее сделаю работу. Да и коллекцию пополнить не мешает.

Младший Старицкий удовлетворённо кивнул, и на этом тема была исчерпана. Оно и к лучшему. Судя по взглядам инженер-полковника, мне сегодня ещё предстоит немало говорить на тему иллюзий, а я не люблю пустую болтовню.

Ужин не затянулся надолго, уже через сорок минут гости начали потихоньку возвращаться в гостиную, куда слуги князя подали дижестив. Правда, мне и Болху пришлось довольствоваться кофе, но я не в претензии. Этому телу, чтобы захмелеть, по-моему, достаточно пробку понюхать, а мне не хотелось бы потерять контроль над собой в присутствии гостей Старицких.

Вопреки моим ожиданиям, разговор с инженер-полковником Эбергардтом получился недолгим и, по сути, свёлся к моим объяснениям псевдоматериальности иллюзий. Ну не специалист Игорь Святославич в ментальном конструировании. Ему ближе фортификация и инженерное обеспечение войск в наступлении и обороне. Понтоны, мосты, переправы, в этом он тоже разбирается очень хорошо, а вот иллюзии... тут глухо. Нет, я, конечно, понимаю господина Эбергардта, с его точки зрения, мгновенно создаваемый иллюзорный понтон, способный выдержать тяжёлую технику при форсировании рек, это просто вундервафля, мечта любого военачальника, но, увы, пришлось спустить инженер-полковника с небес на землю и на пальцах объяснить, что скорость создания иллюзии напрямую зависит от её размеров, и ни один философ-прикладник, как бы он ни пыжился, физически не сможет создать достаточно прочный иллюзор, чтобы тот выдержал вес хотя бы одного танка. А если тем же самым займётся круг естествознатцев, то... им будет проще поднять каменный мост над рекой, что по силам, что по времени. В общем, разочаровал я Игоря Святославича, сильно разочаровал. По крайней мере, в вопросах применения псевдоматериальных иллюзий в инженерных сооружениях. Зато он узнал много нового о принципах воздействия таких конструктов, и я бы не сказал, что эта тема его не заинтересовала.

А вот с Багратовым мне пообщаться так и не удалось. Уж очень быстро этот господин покинул гостеприимное поместье Старицких. Впрочем, расстроиться по этому поводу я не успел, поскольку уже через несколько минут после того, как Игорь Святославич покинул моё общество, пребывая в весьма задумчивом состоянии, рядом нарисовался дворецкий и протянул мне визитку уехавшего промышленника.

Перевернув старомодный белоснежный прямоугольник с золотым тиснением, я обнаружил на оборотной стороне довольно лаконичное послание, написанное стремительным, но уверенным почерком человека, не любящего зря терять время:

«Господин Хабаров, я сожалею о том, что нам не удалось побеседовать о вашем изобретении, в котором я весьма заинтересован. Увы, обстоятельства вынуждают меня немедленно вернуться в столицу, однако, надеюсь в будущем исправить это упущение к нашей ОБОЮДНОЙ выгоде. Жду звонка в любое удобное Вам время. Б.Б.»...

Лестно, приятно, но... что ж такого наговорил его сиятельство князь Старицкий своему доброму знакомому, что тот вдруг вспылал таким жгучим интересом к моему скромному творчеству? В то, что уважаемому Бадри Автандиловичу хватило для этого одной лишь демонстрации Бохома, я, уж извините, просто не верю. Так не бывает.

Вывод? Виталию Родионовичу зачем-то приспичило «пропиарить» одного незаметного и никому не известного мальчишку-иллюзиониста. Кстати, и сам факт моего приглашения на этот междусобойчик вполне укладывается в эту схему. Вопрос только один: зачем князю понадобилось так меня светить?

Глава 4

После пира похмелились, посчитали, прослезились

Приём, если можно так назвать прошедший в поместье Старицких междусобойчик, закончился далеко за полночь, так что разговор с профессором и волхвом вновь пришлось отложить. Но утром, сразу после завтрака, они-таки добрались до меня, и дважды откладывавшийся разговор наконец состоялся. Правда, поначалу он пошёл несколько в иную сторону, чем предполагалось ранее. Основной темой беседы должны были стать условия продолжения нашего сотрудничества с группой профессора, но до неё мы добрались не сразу. Мой интерес к рассказу князя Старицкого и тяга к лекциям Переплутова волхва сказались. И надо заметить, Всеслав Мекленович не возражал. Думаю, ему тоже было любопытно.

– Виталий Родионович не единожды выказывал недоверие к легенде об уходе старых богов, что очень не нравится кое-кому из моих коллег, – задумчиво проговорил Вышата Любомирич и, чуть помедлив, неожиданно усмехнулся. – Впрочем, в этом он не одинок. Меня наши традиционалисты не переваривают по той же самой причине.

– Хотите сказать, что вы тоже не верите в эту историю? – удивился я. И, кажется, Грац меня в этом поддержал. По крайней мере, на миг он утерял обычно сонное выражение лица, да и в эмоциях плеснуло интересом.

– Миф, Ерофей, – кивнул Остромиров. – Я склонен считать её мифом. Да и не только я, если уж на то пошло. Среди известных мне общин волхвов, пожалуй, подавляющее большинство склоняется к той же мысли.

– Странно, – мы с Всеславом Мекленовичем оказались единодушны в своей реакции.

– А что тут такого? – пожал плечами Переплутов волхв.

– Ну-у... – переглянувшись с Грацем, протянул я. – На мой взгляд, это точно так же удивляет, как священник, не верящий в Бога.

– А! Вот ты о чём! – рассмеялся Остромиров и, поднявшись с кресла, принялся мерить малую гостиную шагами. Молча. Наконец, он замер у окна и, прищёлкнув пальцами, заговорил: – Понимаешь, Ерофей, волхвы, несмотря на своё название, уже давно не являются жрецами, как те же христианские священники. Мы – хранители традиций, умений, знаний и даже некоторых суеверий, которые со времён «Уральского сдвига» таковыми вроде как уже и не являются, но не жрецы. Понимаешь?

– Не очень, – честно ответил я. Волхв вздохнул и вновь умолк, задумавшись. Но вскоре ожил.

– Священник несёт веру и закон. Мораль, – медленно произнёс Остромиров. – Он говорит: поступайте так-то – и вам воздастся. Таким образом, насаждая веру, он воспитывает в пастве определённую модель поведения. Если эта модель-мораль выгодна государству, действия священника получают поддержку властей, если противоречит интересам правителей – церковь становится гонимой и может быть даже уничтожена путём замены на иную, более удобную и выгодную. С верой в старых богов так и было. Политеистическая система изжила себя, более того, она прямо противоречила начавшейся централизации власти. Монархи того времени всю старались собрать все нити управления в своих руках, и куча жрецов, ратующих каждый за свою «ветвь» веры и, соответственно, тянущих одеяло на себя, никак не вписывались в создаваемую систему. На фоне тех свар, что устраивали жрецы старых богов, не гнушавшиеся, кстати, баламутить своих последователей для достижения нужных им целей, монотеизм выглядел куда как предпочтительнее. Он и занял место основной религии. Кто из жрецов понял, что происходит, тот отошёл в сторону, кто не понял... ушёл в Ирий с дымом. Так волхвы

оказались вне закона, который повернулся против них, и были лишены права насаждать свою мораль. То есть оказались без всех жреческих атрибутов разом. Ну... почти всех. Осталась лишь функция хранителей знаний, но это уже совсем другое дело, согласись? Так что меня и мне подобных сейчас скорее можно назвать коллегами уважаемого Всеслава Мекленовича, нежели нынешних священников. А какой первый принцип учёного?

– «Сомневайся», – с неожиданным смешком выдал Грац. Волхв хохотнул следом.

– Ну, так почему я должен принимать на веру древний миф, родившийся в Тёмные века в среде необразованных, склонных к мистике мракобесов, в каждой молнии видевших копьё Перуна, а в каждом раскате грома слышавших его смех? – развёл руками Вышата Любомирич, завершая свою речь.

– Но вы упоминали, что среди ваших «коллег» есть и те, кто верят в этот миф? – уточнил я.

– Разумеется, – пожав плечами, согласился Остромиров. – Традиционалисты есть всегда и везде. Наши общины – не исключение. Тот факт, что волхвы давно перестали быть жрецами, совсем не значит, что их вера угасла. По крайней мере, не у всех. Но ведь и среди учёных есть верующие, не так ли? Тем не менее развитию научной мысли их вера ничуть не мешает.

– Понял, – кивнул я в ответ.

– Лукавишь, Вышата, – пряча усмешку в усах, буркнул профессор. А на мой вопросительный взгляд с охотой ответил: – Знаешь, Ерофей, почему именно он сейчас тебя курирует? Хех, это его наказание от общины. Бийских изгнали за инцидент на Урале, а их руководителя лишили звания главы круга и запретили вести какие-либо исследования, пока не исправит содеянное. Спрашивается: если наш любезный Переплутов волхв не верил в миф об ушедших богах, зачем он вообще полез к южноуральской аномалии?

– Чушь! – фыркнул Остромиров. – Шлиман нашёл Трою, изучая греческие легенды, и никто его не упрекает в этом! Чем я хуже? Да, в своих исследованиях я частично опирался на миф об уходе старых богов, но не потому, что в него верю! Я просто хочу выяснить, что на самом деле произошло на Урале тысячу лет тому назад!

– Вот и довыяснялся, – кивнул профессор. – Да так, что из «учёных» волхвов пришлось переквалифицироваться в надсмотрщики.

– Сеславушка... в глаз дам! – неожиданно надувшись, словно воздушный шарик, буркнул Остромиров и отвернулся к окну. Вроде как обиделся. Но действительно ли это так, или Переплутов волхв опять ваньку валяет, я не понял. Просто не смог почуять его эмоций.

Надо же, какие новости я узнаю мимоходом! А ведь раньше ни один из них даже не намекал ни на что подобное. Нет, были разговоры и объяснения о том, что фактически волхв Остромиров в наших исследованиях выступает эдаким инспектором от круга волхвов, следящим, дабы в процессе работы Грац сотоварищи не начудили чего-то из ряда вон выходящего. И об уравнивании моего состояния путём изучения третьего пути волхвов тоже говорили. Но вот о том, что Остромиров был руководителем группы волхвов, полсотни лет назад полезших в южноуральскую аномалию, мне прежде слышать не доводилось. Как и о том, что он тоже понёс своё наказание за происшедший тогда инцидент, а нынешнее его «кураторство» проводимых Грацем исследований – лишь часть его расплаты. М-да. На всякий случай я решил увести беседу чуть в сторону.

– Вышата Любомирич, Всеслав Мекленович, мы вчера утром разговаривали с князем, и я задал ему вопрос, ответа на который не получил. Может, вы знаете... – начал я, и оба мои собеседника тут же изобразили повышенное внимание. А когда я рассказал о сравнении принципов раскочки физического и ментального тела, и возможном «выхлопе» от занятия последней, задумались всерьёз. По крайней мере, Грац точно. Остромиров же полыхнул в мою сторону чем-то... неприятным, словно не удержав под контролем гнев и обиду на недавние слова профессора, но почти тут же задавил эти эмоции и покачал головой.

– Тут я ничем помочь не могу. Исследования на эту тему были официально закрыты общиной ещё пятьсот лет назад, и запрет на них, похоже, не будет снят ещё столько же, – нехотя проговорил он. – И, Ерофей, не советую тебе в это лезть. Подобные запреты община вводит лишь в тех случаях, когда опасность слишком велика. И да, просто чтоб ты знал: после «Уральского сдвига» запрет на изучение южноуральской аномалии введён не был. Было лишь решение о прекращении работы одной конкретной исследовательской группы, и только. Намёк понятен?

– А мы подобных исследований пока не проводили вовсе, – задумчиво протянул Грац и, заметив мой изумлённый взгляд, равнодушно пожал плечами. – А что ты хочешь, Ерофей? Естествознанию и философии, как серьёзным наукам, едва ли больше сотни лет. И это у нас, в стране, изначально весьма положительно относившейся к ментальному манипулированию, в отличие от тех же европейских соседей. По сути, несмотря на все успехи и прогресс, мы находимся лишь в самом начале долгого пути познания.

– Как сто лет?! Я же читал труды философов, датированные двухсотым и даже сотыми годами нынешнего тысячелетия, – начал было я, но был тут же перебит профессором:

– Труды? Философов?! Чушь! Рассуждения о природе вещей, в которых они совершенно не разбираются, да ещё и сдобренные бабкиными наговорами и дремучими суевериями, – взбеленившись было, Грац вскочил, но, словно осознав, что выпадает из привычного образа, спохватился и тут же вернулся в своё обычное флегматичное состояние. Рухнув обратно в кресло, он махнул рукой и заговорил знакомым занудно-лекторским тоном: – Я толкую о науке, а не о псевдологической болтологии, построенной на простейших аналогиях и тыканьи пальцем в небо. Да, это был необходимый, можно сказать, неминуемый этап в развитии человечества, но он пройден, и сейчас мы не можем смотреть на измышления учёных того времени иначе как с усмешкой. Не на всё, конечно, были среди тогдашних шарлатанов и серьёзные исследователи, гении, своими озарениями создавшие основу нынешних философии и естествознания, но и они совершали ошибки, порой совершенно глупые, необъяснимые ограниченностью имевшихся у них знаний или убожеством гносеологического аппарата. Впрочем, на них оказывали серьёзное давление религиозные догматы, так что частично эти их ошибки и заблуждения можно списать на святош... Кстати, Вышата, вот и опровержение твоего утверждения о том, что вера не мешает учёному в процессе познания. Если бы над тем же Якоби или Ломоносовым не довели церковные авторитеты, вклад сих многомудрых мужей в науку мог бы стать намного более весомым.

М-да, не признаёт, оказывается, Всеслав Мекленович прежних авторитетов. Совсем не признаёт. Я покосился на Остромирова, ожидая, что тот, как это уже часто бывало, вступит в полемику с другом, но Вышата Любомирич только недовольно фыркнул в сторону профессора и отвернулся. Точно обиделся.

Впрочем, долго обижаться на что бы то ни было Переплутов волхв-колобок, по-моему, совершенно не умеет. Так что, не прошло и минуты с последней реплики Граца, уже успевшего задуматься о чём-то высоком и, несомненно, умном, как Вышата Любомирич вновь включился в разговор. Точнее, затеял беседу на новую тему, ту самую, ради которой мы, собственно, и собрались этим утром.

Собственно, я предполагал, что эти Пат и Паташон будут радеть за скорейшее возобновление работ по их проекту, ради которого, как недавно выяснилось, меня и вытащили из того мира. Но то, что эти господа будут настолько напористы в своём стремлении, я никак не ожидал. Да и с чего бы? В Ведерниковом юрте они действовали куда спокойнее, не пытались присвоить себе всё моё свободное время, с пониманием относились к тому, что у некоего Ерофея Хабарова могут быть свои планы и цели. Хотя, может, от того и давят теперь, что нынче я уже знаю, кому должен быть благодарен за спасение от смерти?

– Ерофей, ты же сам прекрасно понимаешь, чем быстрее мы начнём работу, тем быстрее будет результат, – разглагольствовал Вышата Любомирич, колобком перекатываясь из одного угла комнаты в другой.

– Понимаю, но прежде чем планировать наши встречи с группой, мне нужно хоть какое-то жильё найти, место под лавку, опять же. Потому как без подработки, на одних выплатах профессора, я тут ноги с голода протяну! – отбрыкивался я. – Хольмград – это не Ведерников всё же. Здешние цены я уже видел... мельком, правда, но чтобы понять, насколько они выше, чем на юге, мне хватило!

– У меня есть другое предложение, – отвлёкся от своих важных размышлений Грац. – Привлечённый сотрудник в лаборатории.

Мы с Остромировым недоумённо уставились на очнувшегося профессора. Кажется, не только мне его реплика показалась... скажем так, не совсем понятной.

Обведя нас взглядом, Всеслав Мекленович тяжело вздохнул.

– Поясняю, я могу выбить для Ерофея ставку лаборанта в Хольмском университете. Его ученического сертификата для этого вполне достаточно. Жалованье, конечно, не так чтобы очень велико, но всё же это полторы студенческих стипендии отличника, плюс бесплатное проживание в преподавательском квартале.

– А полторы стипендии это сколько? – уточнил я.

– Девяносто рублей в месяц, – тут же ответил Грац.

– Негусто. Моя лавка в Ведерниковом юрте приносила как минимум сотню рублей в неделю, – проговорил я с грустью в голосе. Но о том, что названная сумма включала доход от «школьной» торговли, упоминать не стал. Зачем?

– И сколько ты платил за аренду помещения и жилья? – тут же откликнулся профессор.

– Двести двадцать рублей в месяц, – признался я. – Сто тридцать за лавку и девяносто за квартиру над ней.

– Плюс время, которое ты тратил на работу для пополнения товара в лавке, и время на торговлю в ней же. Так? – Всеслав Мекленович смотрел выжидающе, и мне не оставалось ничего иного, как утвердительно кивнуть. – Ну, а теперь подумай над выгодой моего предложения. Пять часов в сутки работы в лаборатории, девяносто рублей месячного жалования, бесплатное проживание. Квартира в преподавательском квартале – односпальная. То есть включает в себя кухню-гостиную, спальню и ванную комнату. Сам квартал является частью университетского городка, расположенного в Загородском конце, всего в часе неспешного шага от детинца. Не центр города, конечно, но и не самая его окраина. Шумновато, правда, бывает, когда студиясы гуляют, но это случается нечасто, да и недолго. Обычно до первого свистка городского. По желанию, за небольшую сумму можно заказать уборку в квартире, а то и нанять экономку. Впрочем, последнее даже не все преподаватели могут себе позволить. Зато рядом с городком расположено огромное количество дешёвых, но вполне приличных кафетериев и погребков, где можно очень недорого, но вкусно пообедать. Да, чуть не забыл! Если пожелаешь, могу замолвить слово, чтобы твои поделки принимали в ученических лавках при университетском городке. Конечно, доход от собственного магазина их продажа не переплюнет, но рублей пятьдесят в месяц ты на них точно заработаешь. Твоё слово, Ерофей?

– На какой срок будем заключать контракт? – после недолгого размышления спросил я, отказываясь от дальнейшего торга. А смысл? Предложение вполне себе приличное... я бы даже сказал, щедрое. Теряю в деньгах? Зато отдаю долг, и хорошо, что деньгами. Свою жизнь я ценю всяко выше раскрашенных бумажек или кругляшков из жёлтого металла. К тому же какой-никакой, а жировой запас у меня имеется, что в денежных знаках на казначейском счету, что в товаре на ростовских складах. Кстати, надо бы организовать перевозку моих поделок в Хольмград и место для их хранения здесь подыскать.

– Стандартный контракт лаборанта – учебный год, – Всеслав Мекленович отвлек меня от размышлений. – Но, в принципе, я могу открыть его уже завтра.

– Завтра – не надо! – встрепенулся волхв. – У тебя ещё лаборатория не готова и сотрудники в отпусках, и как их ни торопи, раньше чем через пару недель они в Хольмграде не соберутся. А ведь тебе ещё и ставку лаборанта утвердить надо. И вообще, раз уж контракт привязан к учебному году, давайте начнём работу со второго семестра. Думаю, и Ерофей будет не против получить немного свободного времени. В конце концов, мальчику нужно отдохнуть после недавних приключений. А вот насчёт квартиры можно обеспокоиться пораньше. Бонусом, так сказать.

– Обеими руками «за», – отозвался я, мысленно вздохнув по поводу «мальчика». Ну не доказывать же теперь, что я давно уже вышел из детского возраста... Вот, кстати, интересный момент! Старицкий говорил, что его призвали в этот мир в собственном теле, а со мной вышло иначе. Уж не знаю, откуда взялся в «точке выброса» мой реципиент, но факт есть факт: я здесь в чужом теле, тогда как моё собственное, судя по всему, потерялось где-то по дороге. А самое интересное, что даже непосредственные участники и организаторы переноса, похоже, уверены, что вот это тело они и перетащили в свой мир. Как уверены и в том, что его «носитель» в своём прошлом был бродягой-беспризорником. Впрочем, тут они не ошиблись, Горазд действительно изрядно пошатался по стране, но... без меня. Вот кем-кем, а бездомным бродягой я никогда не был, хотя по миру меня помотало изрядно... в своё время. Считай, десять лет без малого по шарик пробегал. Эх!

Поразмыслив над этим замысловатым фактом, я вдруг понял, что именно он и царапал моё сознание всё эти дни, заставляя напрягаться чутьё...

– Ерофей! – я дёрнулся от громкого голоса Остромирова и, тряхнув головой, выжидающе взглянул на своих собеседников.

– Прошу прощения, задумался, – ответил я на выжидающие взгляды профессора и волхва. – Вы что-то сказали?

– Можно и так сказать, – усмехнулся Вышата Любомирич и кивнул в сторону застывшего у входа в гостиную дворецкого. – Сварт приглашает к обеду.

– А... да, конечно, – я поднялся с кресла следом за Грацем. – А по нашим делам?

– Я позвоню тебе, как только решу вопросы с лабораторией и квартирой. Думаю, на следующей неделе уже сможешь переезжать в новое жильё, – не оборачиваясь, на ходу ответил профессор.

– Но контракт же будет действовать только с января? – удивился я.

– Ну, если ты желаешь пожить подольше в поместье князя, – с еле слышимой насмешкой протянул Остромиров, подталкивая меня в спину, чтоб не тормозил на пороге. А я вспомнил о предстоящей поездке в зоосад в компании мелких княжат, запланированной Ладой Баженовой на сегодняшний день, и... передёрнулся. Не-не-не, ничего не имею против детей, но только в гомеопатических дозах! В бытность мою подопечным Бийских одна Злата умудрялась выматывать меня за каких-то два-три часа общения, а здесь детей аж пятеро! Да я же свихнусь!

– Вы правы, Всеслав Мекленович, Вышата Любомирич, – тихо произнёс я. – Негоже мне злоупотреблять гостеприимством их сиятельств.

– О, слышу слова не мальчика, но мужа! – воздев указательный палец вверх, прогудел Переплутов волхв и хлопнул меня по плечу. – Правильно, Ерофей, уж если решил жить самостоятельно, нечего расхолаживаться. А то ещё месяц здесь покрутишься и забудешь, как койку заправлять да чай заваривать. От швабры, опять же, руки отвыкнут, да...

– Вышата Любомирич, это вы меня сейчас так искушаете остаться в гостях у князя Старицкого? – рассмеялся я.

– Нет, всего лишь рассказываю о минусах жизни в окружении слуг, – делано-печально вздохнул тот, но поскольку мы уже подошли к столовой, где нас явно ждали хозяева дома, продолжать свои подколки волхв не стал. И ладно.

Обед начался и прошёл. Собственно, это всё, что я могу о нём сказать. Сегодня на столе не было деликатесов, как на вчерашнем ужине, но... это с какой стороны посмотреть. Особых разносолов не было, блюда были просты... но это совершенно не мешало им быть обалденно вкусными. Да, похоже, Виталий Родионович любит и умеет хорошо поесть. В результате из-за стола я выбирался пусть не с одышкой, но умиротворённый и изрядно подобревший. Вкусно!

Правда, долго наслаждаться сытым ничегонеделанием мне не позволили. Появившийся за спиной Сварт напомнил о скором отъезде и тут же доложил, что выходной костюм уже ждёт меня в спальне. При этом на лице дворецкого, как всегда, не дёрнулся ни один мускул, но я отчётливо видел в его глазах лёгкую насмешку. И ведь как в воду глядел. То, что Сварт назвал выходным костюмом, именно им и являлось! Тёмно-синий костюм-тройка, белоснежная рубашка, галстук-платок... уж не помню, как он правильно зовётся, и... чёрт меня дернул!.. Канотье!

Попробовал было взбунтоваться, но ушлый дворецкий распахнул дверцы платяного шкафа и с деланным сожалением продемонстрировал его пустое нутро.

– Прошу прощения, но все остальные вещи находятся в чистке, – произнёс Сварт.

– Вечерний костюм? – прищурился я.

– Будет готов к вашему возвращению, – заверил дворецкий.

– Моя собственная одежда?

– Я обязательно укажу горничной на невнимательность. Она, похоже, забрала её в чистку вместе со всем остальным содержимым шкафа, – продолжал издеваться Сварт. Ну что тут скажешь, кроме мата? Четыре – три. Впрочем... я глянул на своё отражение в зеркале. Нимы-джинсы, футболка, мягкие туфли из чёрной кожи. В таком виде ехать в город глупо. Конец осени всё-таки, и погода сегодня не из лучших: хмурое небо, резкий холодный ветер... хорошо хоть дождя нет. Была бы ветровка, не было бы проблем, но, увы, чего нет, того нет.

Не стесняясь присутствия Сварта, я стянул с себя футболку и надел вместо неё рубашку, даже не пытаясь заправить её в нимы. Привычно закатал рукава и, не обращая никакого внимания на лёгкую обескураженность, плеснувшую в эмофоне дворецкого, напялил жилет от предложенного костюма. М-да, видок получился... хипстерский, прямо скажем. Да и чёрт с ним. В новом полупальто гарантированно не замёрзну, да и франтом начала прошлого века выглядеть не буду. К выходу в город готов... и, да! Пять – три, уважаемый.

Дорогу в гараж я нашёл самостоятельно. Дворецкий, которого я просил проводить меня, по пути «вспомнил» о каком-то важном деле и, небрежным жестом указав направление поисков, исчез в одном из коридоров особняка. Мелочно, ну да чёрт с ним, проигрывать никто не любит.

К счастью, мне не пришлось тратить время на самостоятельные блуждания по дому. В холле первого этажа меня перехватила галдящая компания детишек, предвкушающих поездку в город, и потащила за собой. Гараж оказался просторным помещением в цоколе особняка, заставленным немалым количеством самой разнообразной автотехники. Особенно меня поразила стоящая чуть в стороне чёрная, блестящая хромовой отделкой кузова, семиметровый монстр с распашными дверями, явно представительского класса и, судя по толщине стёкол, бронированный не хуже танка. «Консул-VII». Богатая понторезка... прошу прощения за мой французский, но назвать сей шедевр автопрома как-то иначе у меня язык не поворачивается. В этой машине каждая деталь кричала о её заоблачной стоимости.

Я покосился на княжат, но те, даже не остановившись рядом с «Консулом», дружно топтали мимо. Добравшись до стоящего у закрытых ворот неброского микроавтобуса с напрочь тонированными стёклами, детишки ничтоже сумняшеся открыли сдвижную дверь и полезли

в его салон. Понятненько... и логично, в принципе. Не возить же ребятишек на чёрном «членовозе» стоимостью в приличный дом! Не доросли они пока до таких понтов. Покосившись на «Консул», я еле слышно вздохнул и ринулся догонять компанию княжат, уже устроивших в микроавтобусе бой за лучшие места. Это будет до-олгий день.

* * *

– Дорогой, ты уверен, что поступаешь правильно? – Лада подошла со спины к сидящему на ступеньках веранды мужу и, присев рядом, положила голову ему на плечо.

– Ты о чём? – лениво проговорил тот, не сводя взгляда с волнующейся в пруду воды.

– О вчерашнем сборище, конечно, – жена ткнула князя кулачком в бок.

– А что с ним не так? По-моему, очень удачно получилось, – обнимая Ладу за до сих пор по-девичьи узкую талию, пробормотал Старицкий. – Манифест отпраздновали, мальчишку продемонстрировали...

– Вот-вот! – откликнулась жена. – Зачем тебе понадобилось представлять мальчика этой своре?

– Не «этой», а «Железной», – усмехнулся в ответ князь. – Считаешь, рановато я его на свет вытащил?

– Скорее, не понимаю, зачем, вообще, тебе понадобилось его вытаскивать на этот самый «свет», – вздохнула Лада.

– Надо, милая, – пожал плечами муж. – Либо это сделаю я, либо он засветится сам с неизвестными последствиями.

– Почему? – не поняла женщина. – Точнее, с чего ты взял, что он непременно обратит на себя внимание?

– Статистика, моя дорогая. А она утверждает, что такие, как он и я, всегда оказываются в центре событий, вне зависимости от собственных желаний, – ответил князь. – Да ты сама вспомни его приключения. Долго Ерофей прожил без забот, сидя под крылом Бийских? Меньше года. А потом мир всё равно взял своё, и мальчишка вляпался в свару с фамильными. И это в казачьем-то краю, где их днём с огнём не сыщешь! Вот и представь: если уж он там бояр нашёл, то что будет в столице? Не-ет, дорогая, я всё сделал правильно, и Ерофей, пусть даже сам того не зная, своей вчерашней лекцией для гостей мне замечательно помог. Теперь ни у кого не возникнет вопросов, с чего вдруг Старик заблажил и принял под своё покровительство какого-то безродного мальчишку. Оно ж не зазорно – талантам помогать, верно? Да и любые поползновения в сторону нашего юного конструктора теперь как минимум будут очень и очень аккуратными, без подстав и прочих непрезентабельных методов вербовки, привычных фамильной братии. Наше имя послужит ему щитом от самых наглых. Кстати, я тебе скинул на зеркал данные из его гимназии, посмотри их, подумай, где пареньку учёбу заканчивать.

– Непременно, Вит... пожелания будут? – улыбнулась Лада.

– Проблемные предметы для нашего гостя: история, география, литература. А вот с точными науками у него порядок, – произнёс князь и добавил: – И желательно найти ему место в одной из школ первого дивизиона.

– Там же одни фамильные! – удивилась женщина. – А ты сам сказал, что хочешь оградить мальчика от их влияния!

– Не от влияния, а от кабалы, – поправил её князь. – С фамильными же, как я чувствую, ему ещё не раз придётся встречаться и работать, так что пусть тренируется... на недорослях. Подыщешь подходящий вариант? Пожа-алуйста.

– Уговорил, котяра, – рассмеялась Лада и, поцеловав мужа в щёку, растрепала ему волосы. – Подыщу.

Глава 5

Хвастал гость колдовством, а следовало бы умом

Следя за гомонящей мелочью, носившейся по зоосаду, словно бешеные кометы, Болх тем не менее успевал присматривать и за подопечным Бийских, подолгу зависавшим у вольеров. Чутьё молодого Старицкого исправно сигнализировало об использовании этим странным парнем каких-то ментальных техник, но разобраться, что именно и как делает Ерофей, не получалось. Это у него-то! Признанного сенсора!

Но факт оставался фактом. Болх чувствовал возмущения ментала вокруг Хабарова, и... абсолютно их не понимал. Тем временем младшие, уже успевшие обежать весь зоосад, наконец, начали успокаиваться и стали заинтересованно коситься в сторону кафетерия.

Вздыхнув, юноша покосился в сторону Ерофея, но вынужден был признать, что разгадать его манипуляции с ходу всё же не выйдет. А потому, известив, где следует искать компанию Старицких в случае надобности, Болх повёл детей к пустующим, ввиду прохладной погоды, уличным столикам, прячущимся под огромными разноцветными зонтами.

Подопечный Бийских присоединился к их компании лишь спустя полчаса и, удовольствовавшись чашкой кофе, принялся расспрашивать детей о понравившихся им животных. К удивлению Болха, младшие, до того устроившие гвалт на весь сквер, тут же притихли. Вот ещё минуту назад они с криком и шумом обсуждали свой выбор компаньонов, а стоило Хабарову сесть за стол, как дети моментально уgomонились. Вон, даже не пытаются перебивать друг друга, отвечая на его вопросы. Так мелкие ведут себя разве что в присутствии главы семьи, да и то не всегда!

Отметив очередную странность, Болх дождался, пока все младшие выскажутся, и лишь когда Ерофей записал их пожелания в свой зерком, решился расспросить его о применяемых конструктах. Вотще. Подопечный Бийских только руками развёл.

– Старая школа, Болх. Извини, но научить этому я не могу, – с сожалеющей улыбкой произнёс он.

Старший из присутствующих Старицких печально вздохнул. Впрочем, грусть его была недолгой, пусть он не смог разобраться в манипуляциях Хабарова, и тот отказался им учить, зато... зато Болх запомнил ощущения от воздействия старой школы, и теперь, в случае необходимости, довольно легко отличит его от любых классических ментальных манипуляций, уж больно «привкус» специфический. Мало? Да, немного. Но иногда и такая мелочь может изрядно помочь.

– А какого компаньона выбрал ты сам? – неожиданно спросил Хабаров, отвлекая юношу от размышлений.

– Сокол-сапсан, – на автомате ответил Болх и смутился. Вроде бы как он не претендовал на подарок от подопечного Бийских. Не ребёнок уже, понимает, что просто так подобные вещи не достаются.

– Сделаю, – кивнул Ерофей, и почему-то Болху показалось, что тот легко угадал эмоции собеседника... и их причины. Мозголом?!

Чёрт! А ведь это многое объясняет! По крайней мере, становится ясным, почему, в действительности, старый князь так вцепился в этого паренька. Старые школы? Ха! Это волхвы сторонятся общества и не желают делиться секретами. Но среди бояр немало тех, кто хранит те же традиции, и они куда проще относятся к вопросу обучения посторонних. Так что, знания старых школ – не такая уж редкость. А вот мозголомы... да, этих ребят сейчас днём с огнём

не сыщешь. Стоп! Не сейчас. Кто знает, что сделает этот Ерофей, если вздумает влезть в его мысли и узнает, что раскрыт? То-то и оно.

Болх бросил короткий взгляд на Хабарова, в этот момент спокойно пьющего кофе и внимательно слушающего Лану, описывающую так понравившуюся ей лисицу, и облегчённо вздохнул. Не заметил! Вроде бы... как бы то ни было, но с отцом по поводу этого парня он посоветуется обязательно и сделает это как можно скорее! А пока нужно отставить даже намёки на мысли об умениях подопечного Бийских, и, наверное, лучше будет сосредоточиться на цели их похода в зоосад. Что там Велимир говорит о медведе?

* * *

Эмоции сидящего напротив Болха, которыми «старший из младших» просто-таки фонтанировал, заставили меня нахмуриться. Чего он там себе навоображал, что его так бросает от ужаса до восхищения?! Я тряхнул головой, избавляясь от навязанных извне чувств, и сосредоточился на разговоре с княжатами. Как эти мелкие, в своей беготне по зоосаду, успели не только повидать всех зверей без исключения, но и определиться с будущими компаньонами, я не понимаю. В устроенном ими гвалте сам себя не слышишь, а эти... «многостаночники» умудрились не только побеситься и зверюшек покормить, но и в салки сыграть, и будущих компаньонов выбрать, поспорить, обсуждая свой выбор, помириться... Жуть! Ну, хоть называя мне понравившихся зверей, они не стали устраивать шум и гам. Так что я записал их выбор в зеркал и удовлетворённо кивнул. Матрицы этих животных у меня уже есть, даже так понравившийся Болху сокол-сапсан имеется, а значит, пора отправляться обратно к Старицким... и браться за работу.

Предполагалось, что своих компаньонов дети получают уже следующим вечером, но тут не обошлось без некоторых проблем. В суматохе дел и событий я как-то позабыл одну из лекций, прочитанных мне тёткой Ружаной. Точнее, часть урока, посвящённого правилам, которым обязаны подчиняться все ментальные конструкторы – от ученика до мастера. А именно, я забыл о запрете на продажу боевых конструкторов, к которым теоретически можно отнести и созданных мною компаньонов. С большой натяжкой, конечно, но ведь можно! Белый медведь Златки, например, защищая хозяйку, может запросто садануть обидчика ледяными когтями. Порвать его пополам у мишки, конечно, не получится, но вот оторвать ухо или разодрать руку-ногу – запросто. А если агрессору сильно не повезёт, может и с распоротым брюхом оказаться. Да и без ледяных когтей подаренный Злате компаньон может наделать дел. «Приголубит» нападающего морозным выдохом, и пожалуйста в больницу с холодными ожогами. Минус двести по старику Цельсию – это не подарок.

В общем, пришлось изрядно поломать голову над вылезшей проблемой. Профессор Грац, когда я связался с ним по зеркалу, сразу помочь не смог, отговорился занятостью, что, в принципе, понятно и совсем не удивительно. Насколько я понял из редких сообщений Вышаты Любомирича, профессор всю воюет с университетом за фонды для создаваемой им лаборатории. Сам же Переплутлов волхв тем более не мог мне ничем помочь. По крайней мере, он клятвенно заверял, что всякая бюрократическая канитель его пугает и единственное, чем он может помочь в этой ситуации, это контактами толкового законника.

Разумеется, я не стал отказываться от такого предложения и вбил присланный Остромировым номер в память своего зеркала. И если бы не довольно поздний вечер, наверное, связался бы с законником в тот же момент, но... Глянул на часы и, вздохнув, отказался от этой идеи.

Помощь пришла, откуда не ждали. Перед сном я решил немного прогуляться, чтобы хоть немного разгрузить мозги, да и просто проветриться. Тут же, весьма кстати, я вспомнил о разрекламированном мне Свартом верхнем зимнем саде Лады Баженовны, и вопрос с местом

для релакса был решён. Но вот чего я не ожидал, так это встречи в саду с его хозяйкой. Всё же время было, действительно, позднее, а раньше я как-то не замечал за Ладой Баженовной склонности к полуночным прогулкам.

Решив, что явился совсем не вовремя, я уж хотел было откланяться и исчезнуть из сада, но княгиня не дала мне и шанса, так что уже через пять минут я поймал себя на том, что иду с ней под руку по отсыпанным песком дорожкам и довольно подробно рассказываю о своих проблемах. Это было... странно. И если бы не ощущения, упрямо твердившие, что никакого ментального воздействия не было, я бы, наверное, запаниковал.

Тем не менее, выслушав моё нытьё о «доставших до печёнок» княжатах, с каждым днём всё настырнее требующих своих компаньонов, и последовавшее за тем нытьём покаятие в собственной забывчивости, из-за которой я вот-вот вынужден буду нарушить данное детям обещание, Лада Баженовна покачала головой.

– Это же совсем просто, Ерофей! – проговорила она, присаживаясь на изящную, отлитую из чугуна лавку с тиковым сиденьем.

– Да? – я еле задал сарказм, отчего вопрос прозвучал скорее удивлённо.

– Ну, конечно, – улыбнулась княгиня и, заметив моё сомнение, вздохнула. – Я, может быть, не великий специалист в ментальном оперировании, но, ввиду некоторых своих интересов, кое-что всё же знаю. Итак, давай вспомним, что наше законодательство называет боевыми конструктами.

– Ментальные манипуляции, предназначенные для причинения прямого вреда, – ответил я.

– Именно, – кивнула Лада Баженовна. – Твои «компаньоны», как мы уже знаем, неспособны атаковать по прямому приказу носителя, то есть их невозможно на кого-то натравить. Но они способны напасть на того, кто пытается причинить вред владельцу. Верно?

– Ну, в принципе, так оно и есть. И что? – не понял я.

– То есть они созданы не для нападения, а для защиты носителя. За-щи-ты, – княгиня даже пальцем погрозила... в такт. Но, очевидно, не увидев в моих глазах понимания, тяжело вздохнула. – Твоё творение относится к защитным амулетам первой категории, то есть ментальный конструкт активной защиты. Подобные поделки можно создавать, дарить и продавать без каких-либо ограничений... разумеется, если у создателя имеется хотя бы ученический сертификат. Единственный запрет – ношение подобного конструкта в начальных и средних учебных заведениях.

– Это точно? – спросил я. – Потому что Ружана Немировна утверждала, будто любой ментальный конструкт, имеющий атакующую функцию – есть боевой, а производство и продажа подобных конструктов строго регулируется государством.

– Точно-точно, Ерофей. Ружана Немировна – знатный специалист в своей области, но вот что касается знания законодательства, увы. Это не её, – воскликнула женщина и усмехнулась. – Зато я о праве и его применении знаю не понаслышке. Ты не представляешь, сколько раз мне, как попечителю, доводилось участвовать в разбирательствах по поводу применения различных ментальных конструктов в школах и гимназиях. В том числе и подобных твоим созданиям. Не именно таких, как эти... «компаньоны», но относящихся к той же категории. Собственно, из-за непомерного количества инцидентов, связанных с применением ментальных конструктов активной защиты, нам и пришлось ввести прямой запрет на их использование на территории учебных заведений. Так что можешь поверить, я знаю, о чём говорю!

– Лада Баженовна, вы сняли камень с моей души, – с облегчением признался я. – Спасибо! Завтра же раздам компаньонов вашим младшим...

– И сможешь заняться более серьёзными вещами, – понимающе улыбнулась княгиня. – Не за что, Ерофей. Тебе следовало бы сразу обратиться ко мне, а не мучиться сомнениями.

– Ну... в этом тоже есть свой плюс, – я пожал плечами.

– И какой же? – в голосе Лады Баженовны проскользнули нотки любопытства.

– Например, я узнал кое-что новое, понял, что зря пренебрегал юридической составляющей работы ментального конструктора, получил хороший совет... и обзавёлся контактами хорошего стряпчего, если верить утверждению господина Остромирова, – ответил я.

– Что ж, я рада, что ты стараешься учиться на своих ошибках, – кивнула женщина и, чуть помедлив, добавила: – Кстати об учёбе. Мой муж просил подыскать для тебя подходящую гимназию в Хольмграде, где ты мог бы закончить своё обучение. Но, зная Виталия, уведомить об этом главное заинтересованное лицо он, как с ним иногда случается, забыл. Я права?

– М-да, в наших беседах мы лишь раз касались этой темы, но и то вскользь, – признался я.

– Это так похоже на мужа, – вздохнула Лада Баженовна, покачав головой, и тут же улыбнулась. – Нет, Ерофей, ты не думай, он вовсе не стремится контролировать всю твою жизнь. Просто пятьдесят лет на государственной службе, да на высоких должностях... это не могло не наложить свой отпечаток на его манеру поведения, знаешь ли.

– Да я вроде бы ничего подобного и не думал, – чуть растерянno отозвался я. Ну, действительно! Предложил Старицкий супруге озаботиться поиском подходящего учебного заведения, так это же и к лучшему! Лада Баженовна занимается попечением школ и гимназий, и уж кому как не ей разбираться с этим вопросом. Меня не спросили? И что? Насильно пихнут в какую-то школу и к парте привяжут? Пф!

Нет, понятное дело, я мог бы и сам подыскать для себя место учёбы, но какими критериями при этом руководствовался бы? Поближе к «дому», и с уклоном в основы ментального конструирования... в общем-то и всё.

Именно эти соображения я и высказал своей собеседнице, разумеется, иными словами. Лада Баженовна в ответ смерила меня долгим изучающим взглядом, после чего кивнула каким-то своим мыслям и, поднявшись с лавки, медленно пошла в сторону выхода из благоухающего сада.

– Муж говорил, что у тебя есть известные проблемы с гуманитарными науками, – задумчиво произнесла княгиня после недолгого молчания. – И это, конечно, неудивительно, учитывая твоё происхождение. История, география, литература... отличий между нашими мирами должно быть слишком много, чтобы рассчитывать на идентичность этих предметов. А ты, как я предполагаю, и в прошлом мире не имел возможности изучать эти предметы хоть сколько-нибудь упорядоченно. Впрочем, полагаю, оно и к лучшему. Переучиваться всегда тяжелее, чем учиться с чистого листа.

Вот и ещё одно подтверждение тому, что мои здешние знакомцы отчего-то уверены, будто «пригласили» в этот мир обычного юного бродягу. Что ж, пусть так, не буду их разочаровывать.

– В прошлом учебном году я и в самом деле вынужден был тратить довольно много времени на то, чтобы не отстать от своих одноклассников по этим предметам, – признался я под выжидающим взглядом собеседницы. Та кивнула.

– Но при этом у тебя совершенно нет проблем с точными науками, да?

– Не сказал бы, – покачав головой, ответил я. – Нет, они и впрямь даются мне куда легче, но та же физика... знали бы вы, как пришлось помучиться, пока я запомнил «именные» законы и формулы. А названия всяческих постоянных и единиц измерения?! У-у!

– Тем не менее результаты этого цикла обучения, по крайней мере, в точных науках у тебя одни из самых высоких в классе, – заметила Лада Баженовна и, не дав мне вымолвить и слова, продолжила: – Тогда как по гуманитарным предметам ты несколько отстаёшь. Преподаватели в гимназии отметили некоторую поверхностность твоих знаний в этой области.

– По ним мне вполне хватает оценки «удовлетворительно», – фыркнул я, но, заметив несколько похолодевший взгляд княгини, решил развернуть объяснение: – У меня был не такой уж большой выбор, Лада Баженовна. Как бы я ни старался, но вытянуть сразу все предметы на

«отлично» и «превосходно» за один-единственный год мне бы физически не удалось. Я решил сосредоточиться на точных науках и естествознании, а гуманитарные предметы отложить на недалёкое будущее, ограничившись общим знакомством с ними и простой зубрёжкой информации, данной в учебниках, достаточной, чтобы пройти переводные испытания и не выставить себя совсем уж дремучим незнайкой.

– Хм, неужели тебе совсем не было интересно узнать побольше о новом мире? О его истории, людях, её творивших? О различиях между странами и их устройстве? – спросила женщина.

– Почему же? – я пожал плечами. – Мне и сейчас это интересно. Но времени на это у меня просто не хватало. Потому и пришлось выбирать: либо я налегаю на точные и естественные науки, в которых незнание – начальных вещей приводит к непониманию всего гимназического курса, либо я начинаю разбрасываться, пытаюсь запомнить огромный массив информации за все годы обучения, да по всем предметам сразу... и сыплюсь на них так же, разом. Как видите, первый вариант оказался неплох.

– Да-да, настолько, что кое-кто из преподавателей специально отметил успехи некоего Ерофея Хабарова в изучении точной части гимназической программы, а учитель естествознания и вовсе внёс в твоё личное дело запись об успешном изучении полного курса по его предмету, – улыбнувшись, кивнула княгиня. – Что ж, если я правильно поняла, теперь ты не будешь возражать сделать упор в изучении гуманитарных предметов?

– Почему бы и нет? – протянул я.

– Замечательно, просто замечательно! – в глазах женщины явно промелькнули искры насмешки. – Так вот, Ерофей, как уже было сказано, по просьбе мужа я нашла несколько подходящих тебе гимназий. Но упор в обучении там делается не только на естествознание, но и на гуманитарные предметы, которые тебе придётся подтянуть так же, как ты подтянул свои знания в точных и естественных дисциплинах. И хочу заранее предупредить, Ерофей, одними лишь историей, географией и литературой дело не ограничится.

– Да? – чувствуя подвох, пробормотал я. И Лада Баженовна полностью подтвердила мои предчувствия.

– Этикет, танцы, культурология, социология, психология, основы права, логика... риторика, – по мере перечисления княгиней этих предметов, я буквально чувствовал, как моё лицо вытягивается всё больше и больше. Этикет? Танцы?! Может, ещё и фехтование будет? Я что, так похож на Д'Артаньяна? Это же его вроде бы де Тревиль отправил в роту к своему зятю дез Эссару, где упёртого гасконца как раз и должны были научить этим премудростям.

Пока я пребывал... скажем так, в лёгком недоумении от открывшихся перспектив, Лада Баженовна, сделав вид, будто вовсе не замечает моего состояния, как ни в чём ни бывало продолжила свою речь:

– Впрочем, с последним, как ни удивительно, у тебя всё в порядке. Я даже не ожидала, что человек, по сути, не получивший систематического образования, может так ясно и чётко выражать свои мысли. Да и твой прогресс в обучении меня тоже порадовал. Процесс взросления и сопутствующие ему гормональные всплески, знаешь ли, способствуют усидчивости ещё меньше, чем детское неумение сосредотачиваться.

– Ну, не всё так замечательно, по-моему, это было следствием моего обучения разным путям старых школ, во всяком случае, Вышата Любомирич именно так объяснял моё излишнее рвение в учёбе и заикленность на ментальном конструировании. Своеобразный перекося из-за расхождения этих самых путей, настолько же полезный, насколько и опасный, – я поспешил объясниться. Как-то не думал раньше взглянуть на свои действия с такой стороны, а вот княгиня почти сразу указала на слабые места легенды «юного бродяги». Поймав взгляд Лады Баженовны, я чуть помедлил и договорил: – К тому же нельзя сказать, что я не получал образования вообще. До в... девятого-то класса доучился, так что кое-что помню...

И опять чуть не спалился. Это в моё время аттестат о неполном среднем получали после восьмого класса, а нынешние школьники учатся на год больше, соответственно, и то самое «неполное среднее» могут получить лишь по окончании девятого класса, о чём князю Старицкому наверняка известно...

Да-да, я и сам понимал, что такая скрытность больше похожа на навязчивую идею, и всё равно разрушать миф о юном бродяге мне совсем не хотелось... как и врать, а потому ограничился полуправдой. Ведь в том мире я, действительно, доучился до девятого класса, как, впрочем, и до десятого. А про высшее образование меня вообще никто не спрашивал. Пусть так и остаётся.

– О! – княгиня даже замерла на месте от удивления, но почти тут же справилась с собой и, похлопав меня ладонью по руке, чуть смущённо улыбнулась. – Извини, Ерофей. Я почему-то была абсолютно уверена, что если ты и получил какое-то образование, то оно ограничилось лишь начальным курсом. То есть правописанием и арифметикой.

– Ничего страшного, Лада Баженовна, – я мотнул головой. – Всё же в школе я не был самым прилежным учеником, так что большую часть программы прошёл... мимо, а когда понял, что сам себе делаю хуже, этот поезд был уже далеко.

– Ты удивительно благоразумный юноша, Ерофей, – еле заметно усмехнулась княгиня. – И я искренне рада, что ты не только понимаешь всю важность образования, но и всерьёз намереваешься наверстать упущенное.

– Но танцы?! – это был вопль души. Честное слово!

– И этикет, да... – рассмеявшись, кивнула женщина. – Обязательные умения для каждого воспитанного молодого человека. И тебе их предстоит освоить в обязательном порядке.

– Не думал, что программа столичных школ настолько отличается от курса гимназии в Ведерниковом юрте, – вздохнул я.

– Не всех, Ерофей, – отозвалась княгиня. – Но среди подобранных мною вариантов таких подавляющее большинство.

– А без этого никак? – спросил я, искренне не желая тратить время на столь бесполезное времяпрепровождение.

– Увы, – развела руками Лада Баженовна и тут же доброжелательно улыбнулась. – Не переживай, научиться танцевать нетрудно. К тому же от учеников никто не требует выступлений на соревнованиях. Это лишь дань традиции, соответственно, и танцы вам будут преподавать лишь в минимально необходимом объёме, чтобы не ударили лицом в грязь, буде доведётся оказаться на балу.

– А этикет тоже будут преподавать «в минимально необходимом объёме»? – грустно спросил я. Не то что бы мне было это действительно интересно, но... надо же было как-то скрыть своё недовольство.

– Этике-ет, – с непонятной интонацией протянула моя собеседница, остановившись у двери. – Нет, Ерофей, этикет в школах вдалбливают. Жёстко и без всяких скидок на происхождение. И это правильно. Знаешь, учителей этикета все их воспитанники ненавидят... пока учатся, зато после учёбы готовы их на руках носить. А всё почему?

– Почему? – эхом повторил я, спускаясь по лестнице следом за княгиней.

– Потому что только после совершеннолетия, окунувшись во «взрослую» жизнь, молодые люди начинают понимать, как знание этикета упрощает существование! – веско, словно открывая какую-то тайну, сообщила Лада Баженовна. И ни малейшего намёка на иронию. – Скольких проблем, каких неприятностей позволяет избежать простое следование заведённым правилам, если бы ты только знал. Моя первая учительница, графиня Смольянина, как-то сказала: «Не знаешь что делать – поступай, как диктуют правила этикета. Не ошибёшься». И я не ошибалась. Как бы ни плевались мне вслед из-за «недостойного происхождения», как бы ни ярились «фамильные» на затесавшуюся в их ряды простолюдинку, благодаря урокам моей

учительницы, никто из них никогда не мог уличить меня в чём-то неподобающем. За исключением одного случая... но это давняя и лживая история, вспоминать которую в обществе не любят. Боятся мужа и его знаменитой лопаты.

– А... при чём здесь лопата? – Надо сказать, эмоции, которыми буквально фонтанировала Лада Баженовна, изрядно выбили меня из колеи. Иначе бы такого глупого вопроса я не задал. С другой стороны, вопрос о происхождении княгини явно был бы ещё более глупым. Из её оговорок и так нетрудно понять, что в здешний «высший свет» госпожа Старицкая вошла благодаря фамилии мужа. Хотя по тому, как она держится, предположить подобное почти невозможно, да.

– Виталий недолюбливает классическое холодное оружие, зато виртуозно орудует короткой остро заточенной лопаткой. Так что в круг, при надобности, он выходит именно с ней. И, между прочим, он до сих пор ни разу не проиграл, – с неподдельной гордостью в голосе сообщила Лада Баженовна.

– В круг? – не понял я.

– Хольмганг, – невозмутимо пояснила княгиня, но, заметив, что всё равно ни черта не понял, «перевела»: – На дуэль, Ерофей. Это официально признанный способ решения вопросов чести среди «фамильных» и воинов.

Приехали! Двадцать... прошу прощения, семьдесят шестой век на дворе, а здешние господа всё ещё на поединках режутся? Бред! А ещё больший бред, что князь Старицкий на эти самые поединки выходит вооружённым МПЛ-50, если я правильно понял описание, данное его супругой. Полный сюр. С другой стороны, если я правильно понимаю, впервые ему пришлось выйти в круг больше ста лет назад, когда подобный «способ решения вопросов чести» и в нашем мире был в ходу. Так, чем ещё прикажете «фехтовать» моему современнику, который, небось, и саблю-то в руках сроду не держал?

– И часто у них такие вопросы возникают? – осведомился я, старательно отгоняя путающиеся от временных парадоксов дурные мысли.

– Сейчас это редкость, – признала Лада Баженовна. – Но случается, случается.

В этот момент стоящие на консоли часы пробили полночь, и княгиня, пожелав мне спокойной ночи, отправилась в свои покои. Потоптавшись в коридоре, я печально вздохнул и... последовал её пожеланию. Иными словами, двинулся в спальню. Спать!

Утром меня разбудил не звонок будильника и даже не визит дворецкого. Княжатам, очевидно, окончательно надоело ждать, а может быть, Лада Баженовна успела как-то сообщить внукам-правнукам, что сегодня они наконец-то получают обещанных компаньонов. Как бы то ни было, в половину восьмого утра моя спальня в доме Старицких подверглась штурму орды восторженно пищущих детей. Пришлось капитулировать... почётно. По крайней мере, они согласились дождаться, пока я приведу себя в порядок. Но стоило мне, умывшись и одевшись, выйти из комнаты, как я тут же был взят княжатами в «коробочку» и отконвоирован в игровую комнату, где, как оказалось, уже дожидался своих подопечных отчаянно зевающий Болх. Судя по всему, его детишки подняли ещё раньше, чем меня. Бедолага!

Глава 6

От дома под городом до сундука с золотом

Честно говоря, когда я работал над иллюзорами для детей, то предполагал, что создаваемые конструкты станут им подарком, но ни князь, ни княгиня эту идею не поддержали, и почти сразу после демонстрации получившегося зверинца, устроенного им младшими Старицкими, тихая трель зеркома оповестила меня о поступлении на казначейский счёт двухсот пятидесяти рублей. По пятьдесят за каждого иллюзора, то есть ровно в десять раз дороже, чем я продавал их в Ведерниковом юрте!

Отказываться от оплаты, а уж тем более обижаться на то, что Старицкие не сочли возможным принять этот подарок, я не стал. С чего бы? Наоборот, я был доволен таким поворотом. Терпеть не могу ходить в должниках, а этим жестом князь почти прямым текстом сообщил, что не считает меня должным за оказанный его семьёй приём и помощь... с той же школой, например.

Правда, долго ли удастся сохранять статус-кво, я не знаю. Тем более что предпосылки к появлению новых долгов, которые придётся учитывать во время дальнейшей работы с ушлым князем или его людьми, уже читаются. Например, грядущая встреча с Багратовым, назначенная на следующий день после моего переезда в преподавательский квартал университетского городка. О нет, я совершенно не возражаю против сотрудничества с разработчиком и третьим в стране производителем систем связи. Наоборот, я буду только рад, если нам удастся найти общий язык и выгоду. Но и забыть тот факт, что свёл нас именно Виталий Родионович, не смогу.

Я, может быть, временами и веду себя, как обычный юнец, но уж такие-то вещи понимаю, как бы ни давили на мозги гормоны взрослеющего тела. Так что отсутствие между мной и князем неоговорённых долгов сейчас ещё не гарантирует, что эта ситуация продлится сколько-нибудь долго. И даже, если вдруг мы не сможем договориться или просто не сработаемся с господином Багратовым, я почти уверен, что Виталий Родионович придумает что-то ещё, но постарается удержать меня в зоне своего внимания... и влияния. Впрочем, на данный момент это не больше, чем не имеющие доказательств подозрения, на которые пока можно не обращать внимания.

Те несколько свободных дней, что выдались меж окончанием работы над иллюзорами и переездом, я провёл в прогулках по столице и... переговорах о доставке моего имущества из Ростова в Хольмград. Но в итоге всё вышло как нельзя лучше. За день до моего переезда контейнер с содержимым моей бывшей лавки был доставлен в один из складов на окраине Плотни, где и нашёл свой приют, по крайней мере, до тех пор, пока я не обзаведусь новым магазином и мастерской... или не договорюсь с торговцами университетского городка о реализации моих поделок. Правда, последний вариант меня не особо устраивает. Прошвырнувшись по городку и познакомившись поближе с будущими конкурентами и предлагаемым ими ассортиментом, я понял, что настоящей цены лавочники, избалованные поделками студентов, просто не дадут, а сбывать собственные изделия за бесценок мне не позволят гордость... и жадность. В общем, столичной версии «Вечерней лавки» быть. Но этот вопрос я буду решать позже, когда определюсь с графиком учёбы и работы.

Мотаясь по университетскому городку, я, естественно, не мог упустить возможности наведаться в своё будущее жильё, благо профессор Грац заблаговременно сообщил адрес квартиры, даже прислал в поместье Старицких ключ от неё. Так что, оказавшись поблизости, я не преминул заглянуть в дом номер шесть по Богословской улице и остался вполне доволь-

ным увиденным. В отличие от застроенного старинными белокаменными особняками центра Хольмграда, университетский городок явно неоднократно перестраивался, так что сейчас тот же преподавательский квартал больше походил на творение поклонника Шехтеля, нежели на уже почти ставшее привычным глазу белокаменное узорочье. И дом, в котором располагалось моё будущее жильё, не был исключением. Это оказалось довольно длинное четырёхэтажное здание из серого кирпича, покоящееся на фундаменте из дикого камня, с изящными «текучими» формами оконных переплётов и дверных рам, закованных в резные каменные «оправы». Расположенное на углу Богословской и Стремянной, красующееся кокетливыми полукружьями небольших декоративных балконов, оно могло похвастать двумя подъездами, выходящими в небольшой ухоженный дворик, и явно давно не используемой по назначению аркой для карет, закрытой массивными, затейливо выкованными решётчатыми створками ворот. Солидный домик, что тут скажешь...

Как и описывал Всеслав Мекленович, квартира оказалась невелика, но неплохо обставлена. Уютная спальня, довольно просторная кухня-гостиная и небольшая ванная. Ну, как небольшая... таковой она, наверное, могла бы показаться здешним жителям, а вот у меня, человека, не понаслышке знакомого с таким вывертом советской архитектуры, как хрущёвки, язык бы не повернулся обозвать ванную комнату площадью в девять квадратных метров – небольшой. А вот «корыто» ванны и впрямь можно было бы поставить побольше. Хотя в своём нынешнем теле я не отличаюсь выдающимися габаритами, но воспринимать сидячее «нечто», заменяющее здесь нормальную ванну, иначе как издевательством не могу. И ладно бы это была душевая кабина, для неё такие габариты вполне нормальны, так ведь нет! Именно ванна, но, сидя в ней, даже ноги не выпрямить! В общем, первая серьёзная трата в недалёком будущем была мною определена безоговорочно. Это убожество я заменяю, как только вселюсь в квартиру, и плевать, в какую сумму обойдётся переделка и ремонт. Могу себе позволить.

А вот меблировка квартиры меня порадовала. Ещё бы! Не хватало ещё тратиться на установку того же кухонного гарнитура или покупку шкафов, диванов, столов и буфетов. Правда, вызвало некоторое удивление отсутствие на кровати матраца, но позже дворецкий Старицких, помогавший мне собирать вещи, сообщил, что здесь, оказывается, так принято. При найме меблированной квартиры матрацы для имеющихся в ней кроватей арендатор должен привезти с собой. Ага, вопрос личной гигиены, как собственная зубная щётка или постельное бельё. Забавный выверт.

– Ерофей Павлович, запомните на будущее, – проговорил Сварт, аккуратно упаковывая очередной костюм в один из стоящих перед ним чемоданов. – Наличие матраца на кровати в арендуемых меблированных комнатах говорит только об одном: это не жильё для приличных людей.

– А что тогда? – без всякой задней мысли уточнил я. Дворецкий на миг замер.

– Тут возможны два варианта. Первый: ночлег для отребья, – продолжив как ни в чём ни бывало набивать чемодан вещами, ровным тоном произнёс Сварт. – А второй... номера для интимных встреч.

– Без исключений? – поинтересовался я.

– Почему же, исключения есть в любом правиле. В данном случае к таковым относятся гостиницы и отели. Согласитесь, было бы странно, если бы путешественники вынуждены были таскать с собой из страны в страну столь громоздкую вещь, как ортопедический матрац. Но в отелях их обязательно дезинфицируют после выезда очередного постояльца, а хозяева меблированных комнат подобной чистоплотностью не отличаются. Так что имейте в виду, Ерофей Павлович. Имейте в виду... – звонко щёлкнули замки огромного чемодана, и мой собеседник, окинув взглядом полки опустевшего шкафа, довольно кивнул, после чего вновь обернулся ко мне. – Я отдам указание, чтобы вещи погрузили в машину.

– Благодарю, – я протянул дворецкому конверт с наличностью, и тот его принял даже глазом не моргнув. А я так надеялся ещё раз пробить этого каменномордого! Но, увы, второй раз на ту же удочку он не ловится. И чёрт с ним! Мне хватит воспоминания о том, как отвисла челюсть Сварта, когда я, собираясь съезжать из гостеприимного дома Старицких, предложил приобрести у них купленные для меня костюмы. Бедолагу аж перекосило от удивления пополам с возмущением. Сначала. А потом ничего, очухался, переговорил с Ладой Баженовной и... согласился. Правда, цену выставил как за секунд-хенд, ну да я не в обиде, скорее, наоборот. А то, что в результате этого финта я остался без вознаграждения за иллюзоров... оно того стоило.

Из поместья я уезжал тихо и без помпы. После завтрака попрощался со всеми Старицкими, занял пассажирское сиденье в уже знакомом по недавним поездкам в город микроавтобусе, а через час выгрузился из него у своего нового дома. Уж не знаю, как долго я буду здесь жить, но устраиваться решил со всей возможной обстоятельностью. Дом – это дом, и он требует к себе соответствующего отношения, а потому, отпустив машину и затащив в квартиру оба чемодана, я решил не терять времени и отправился за покупками в ближайшие торговые ряды. Квартиру-то нужно обживать! А у меня, кроме заранее купленного пресловутого матраца и двух сундуков с одеждой, ничего более нет. Ни ложек-поварёшек, ни того же постельного белья и полотенец. Да и холодильник забить тоже надо...

В общем, день переезда выдался суетным и затратным. Зато вечером я, уставший, но довольный, словно только что выкупанный индийский слон, сидел, укрывшись пледом, в ротанговом полукресле, установленном на украшенном изящной ковкой декоративном балконе, попивал горячий чай с лимоном и, всюю наслаждаясь тишиной, с высоты четвёртого этажа любовался окрестными видами, окрашенными роскошно-алым закатом в сюрреалистические розовые цвета. Красота!

И да, в преподавательском квартале действительно оказалось довольно тихо. Немногочисленные пешеходы почти не создавали шума, а машины... за все два часа отдыха на балконе я увидел не больше десятка этих низко летающих железяк. Преподавательский квартал – это просто какое-то сонное царство. И не скажешь, что в нескольких кварталах отсюда бьёт ключом суетливая столичная жизнь, а по улицам днём и ночью несутся нескончаемым потоком машины.

Утро следующего дня началось так же, как в поместье Старицких: в восемь часов я подскочил от звонка будильника в зеркоме, умылся и, выскочив во двор, устроил небольшую зарядку. Двадцать минут бега, подтягивания-отжимания, и бой с «пыльной тенью» на закуску. Благо в центре двора обнаружилась удобная отсыпанная песком площадка. Правда, эту тренировку пришлось несколько урезать, поскольку уже через пару минут наших метаний по «полю боя», я почувствовал сразу несколько потоков внимания, которые при всём желании назвать просто любопытством язык бы не повернулся. Уж очень настойчивый интерес проявили неизвестные соседи к моему занятию.

Завершив утренний моцион, я поднялся обратно в квартиру и, распахнув дверцу пухлого холодильника, хромированной ручкой и плавными обводами напоминающего мне знакомый по прошлому миру старенький дачный «ЗиЛ», принялся метать из него на стол продукты для плотного завтрака. Яичница, бутерброды с сыром и бужениной, крепкий чай... самое то для правильного начала дня.

Расправившись с завтраком и помыв посуду, я оделся в приготовленный с вечера костюм и, глянув на своё отражение в зеркале, удовлетворённо кивнул. Вот теперь можно отправляться в город.

К моему удивлению, преподавательский квартал не только по вечерам, но и днём был весьма тихим местом. Машин почти нет, пешеходы тоже не особо мельтешат. Ну, люди – ладно. Квартал-то принадлежит Хольмскому университету, а сейчас как-никак учебное время, так что ничего удивительного в пустынности местных улочек нет. Но машины-то, почему так мало

машин? И это притом, что рядом, буквально в трёх кварталах от моего нового дома, проходит одна из оживлённейших городских улиц, пронизывающая весь Загородский конец от предместий до самого центра города! Впрочем, огромная многоуровневая парковка у въезда в университетский городок и сам въезд, перекрытый шлагбаумом, дали прозрачную подсказку о причинах такой благостно-тихой обстановки.

Для верности я даже открыл на зеркоме карту Хольмграда, и уже через несколько минут имел возможность убедиться, что подобные парковочные «башни» расположены у всех восьми въездов во владения Хольмского университета. Ну и заодно определился с тем, как быстрее добраться до назначенного места встречи. Благо остановка автобуса нужного маршрута оказалась буквально в ста метрах от ближайшего въезда в городок. Так что ровно в одиннадцать часов утра я вошёл в просторный холл чайной на углу Козьмодемьянской и Великой улиц, где у меня была назначена встреча с гордым сыном гор по фамилии Багра́тов.

– Добрый день, Ерофей Павлович, – без малейшего намёка на иронию поздоровался делец, поднимаясь из-за уставленного чашками-плошками стола. Высокий, глыбообразный и абсолютно лысый. Матёрый такой человечище. Но, что удивительно, серый шерстяной костюм на этом валуне сидит вполне ладно, даже немного скрадывает впечатление от огромности здоровяка-грузина.

– И вам здравствовать, Бадри Автандилович, – ответил я, принимая тон собеседника, и пожимая огромную, твёрдую как доска, ладонь с золотой печаткой на среднем пальце, сверкающей россыпью мелких брильянтов. Вопреки моим ожиданиям, Багра́тов не стал ходить вокруг да около, так что, стоило нам расположиться за столом и налить по первой чашке чая, как разговор зашёл о деле, ради которого он и назначил эту встречу. Но, как вскоре выяснилось, я несколько ошибся, предполагая, что речь пойдёт всё о тех же иллюзорах. Уважаемого дельца, оказывается, заинтересовало кое-что другое... правда, напрямую связанное с этой игрушкой, точнее, некоторыми её свойствами.

– Ваш... иллюзор, Ерофей Павлович, демонстрировал манипуляции материальными объектами, – осторожно проговорил Багра́тов, цепко следя за выражением моего лица. – Я хотел бы знать, это ваша собственная разработка?

– Именно так, – кивнул я.

– Замечательно... вы её уже запатентовали? – чуть расслабившись, улыбнулся мой собеседник, крутя стоящую перед ним на столе полупустую чашку.

– Вы имеете в виду иллюзор? – уточнил я.

– Нет, ментальный конструкт, позволяющий ему манипулировать предметами, – покачав головой, произнёс делец.

– Даже не думал об этом, – пожал я плечами.

– Вот как? Это, уж простите за критику, упущение с вашей стороны, – вздохнул Багра́тов, на что я усмехнулся.

– Не думаю. Дело в том, что я просто не имею права на такой патент. В основе способности иллюзора к взаимодействию с материальными объектами лежит известный конструкт «пыльная рука», я всего лишь модернизировал его. Нет, запатентовать эту модернизацию, конечно, можно... но это будет непросто. Всё же не первичное изобретение, для патентования которого нужна лишь математическая модель. А времени на всякие разборки, исследования и защиту, на комиссии и прочие хождения по бюрократии у меня нет. Вообще.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.